

"ОДИССЕЯ"
ПО КРАСНОЙ РОССИИ. . .

/брошюра № 12-й/

О Г Л А В Л Е Н И Е:

- 1.-Одно жуткое предупреждение,
- 2.-В летней резиденции Ленина. . . .
- 3.-Красные командиры,
- 4.-На соляных работах. Сапоги . . . Сухаревка.
- 5.-О человеческой душе. Картинки и курьезы в Москве.
- 6.-И еще Кубанские офицеры в Москве. . .
- 7.-В Александровских казармах,
- 8.-На военно-политических курсах. . .
- 9.-Наши лекторы: Верховский, Готовский, Войцеховский и
Кондратьев.
- 10.Конец курсам. Что было потом /?!/. . .
- 11.Генерал Верховский.
- 12.Массовый арест. Нас везут на восток. . .
- 13.Мы "у цели"...в городе Екатеринбурге,
- 14.Разные картинки в нем.Новое заточение,
- 15.Заложницы,
- 16.Кубанский хор в Екатеринбурге.Первый концерт.
Действие казачьей песни. Похвала врага - есть лучшая похвала.

- • -

Цена брошюры - 1 дол.Выписывать по адресу:
Mr.Th. Elyseev, 502 W. 177 St., Apt. 1 C
New York 33, N.Y.

"О Д И С С Е Я"
П О К Р А С Н О Й Р О С С И И.

/ брошюра № 12 /.

ОДНО ЖУТКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ . . .

С работ мы возвращались уставшие, а входя в свой казарменный грязный двор, и поднимаясь на 2-й этаж отвратительных Астраханских казарм, где всегда была толчая красноармейцев-дезертиров, смрад казарменного запаха, безцеремонный гомон людей, полутемнота от двуярусных нар, покрытых изношенными матрацами с остатками соломы и другою рухлядью их обитателей - на душе становилось тяжело и зло.

В один из дней, я возвращался, почему-то один из города. Настроен был особенно зло. Поднявшись к своим берлогам - совершенно неожиданно натолкнулся на "живую картинку" так знакомых мне старших офицеров Родного Войска. Полукругом стоят - генерал Г. Я. Косинов, наш бывший командир 1-го Кавказского полка в Финляндии в месяцы революции 1917 года, два его помощника, полковники - С. Е. Калугин и А. П. Пучков, еще кто-то и позади них Атаман Баталпашинского Отдела, генерал Абашкин. Все они в крупных старинных папахах, в офицерских шинелях защитного цвета, а Калугин - в своей, так мне знакомой по Турецкому фронту, меховой шубе-черкеске. Лицом к ним, а спиной ко мне - стоял кто-то в гимнастерке и штанах защитного цвета, довольно чисто одетый. Говорил он, и оба генерала и полковники, слушали его спокойно, полубезразлично, а Косинов - с некоторой улыбкой.

При моем входе - генерал Косинов произнес:

"А вот еще один наш молодой полковник".

Лицо, стоявшее ко мне спиной, повернулся, бросил быстрый взгляд на меня "с ног до головы" и быстро спросил:

"Ну как Вы себя чувствуете здесь, в Москве?"

Предполагая, что с нашими генералами и старшими полковниками говорит один из Колчаковских пленных офицеров, помешавшимися в других казармах - я недружелюбно ответил:

"Как я себя чувствую? . . . да отвратительно!"

"Почему?" - спрашивает он.

"Чорт нас заставил сдать. . . вот почему и чувствую я себя отвратительно", отвечаю ему совершенно искренне.

Этот человек, вновь бросил на меня свой взгляд "с ног до головы" и спрашивает:

"А Вы знаете - с кем Вы говорите?"

"Вы-же Колчаковец?" - отвечаю ему вопросом на его вопрос.

Тогда это неизвестное мне лицо, сделав выдержку, вопрошает:

"Как-же это Вы, не зная с кем говорите, так смело выражаете свои мысли?"

И потом, глядя в упор моих глаз, твердо, определенно, резко говорит:

"Я здешний комиссар. . . Вы знаете, что я могу сделать с Вами после Ваших слов?" . . . сказал и. . . в упор, испытывающе смотрит в мои глаза.

Я не испугался, но мне стало досадно на самого себя - как я мог так запросто подвести самого себя?

"Извините меня за мои слова, но я сказал то, что на душе", ответил ему.

"Так вот что, молодой человек", говорит он мне, "молодому человеку в 27 лет" - "мы Вас, кадровых офицеров, держим потому, что Вы нам нужны для построения нашей красной армии"... После этого, лицо его стало жестким и он добавил - "а потом мы всех Вас сошлем на север и сгноим в Мурманских лесах и болотах"... И повернувшись к нашим генералам и старым полковникам, произнес: - "До-свидания, товарищи" - сказал, повернулся и быстро вышел.

"Ну как-же Вы это промазали, Федор Иванович?" - по-отечески говорит мне генерал Косинов, у которого, в Финляндии, я был командиром сотни.

"Да чорт-же его знал, что то был комиссар!.. я думал что это говорит с Вами какой-то Колчаковец" - досадливо и зло на самого себя, отвечаю ему. Все улыбаются.

Я впервые увидел здесь всех этих двух генералов и нескольких старых полковников, которые, оказываются, в Кубани, из лагеря, были препровождены сюда, в Бутырскую тюрьму и уж из нея, переведены в наши казармы, как "кандидаты" для зачисления на военно-политические курсы и в дальнейшем - для отправления на Польский фронт. Это было для меня полная неожиданность.

Заговорили между собою. Я знал еще в Адлере, что генерал Косинов был при отступлении, за Адлером, начальником одной из Кубанских дивизий. Старые полковники-Кавказцы были в числе беженцев. Спросили генерала Абашкина - как он попал?... и услышали от него:

"Я был Атаманом Баталпашинского Отдела. Как известно - он расположен в самом юго-восточном углу Войска. Распоряжений для эвакуации из Екатеринодара не получил, а когда собрался - то уже поздно было отступать с семьей.... и я решил остаться".

На Турецком фронте, от офицеров 1-го Лабинского полка, мы, Кавказцы, слышали, что Войсковой Старшина Абашкин, помощник командира полка у полковника Рафаловича, был довольно требовательный начальник. Он имел две или три дочери, воспитаниц нашего Мариинского Института. После занятия Екатеринодара в 1918 году, на старшей дочери женился наш Кавказец, подесаул Вл. Ник. Кулабухов, с которым я очень дружил. Приглашенный на обед, я познакомился на нем с его тестем. Тогда в Екатеринодаре, и здесь в Москве - генерал Абашкин произвел на меня доброго, покладистого человека.

Володя Кулабухов, окончив Екатеринодарское реальное училище и Елисаветградское кавалерийское училище в 1912 году. После революции был адъютантом нашего полка; потом стал старшим адъютантом у своего тестя, Атамана Баталпашинского Отдела. В декабре 1919г. заболел тифом; в бессознательном состоянии выскочил в снег, еще более простудился и умер скоро. Абашкин очень грустил о нем и в Москве. Кулабухов был двоюродный брат священника А.И. Кулабухова, Члена Краевого Правительства Кубани, казненного в Екатеринодаре в начале ноября 1919г. по приговору военно-полевого суда генерала Покровского - акт, поднявший всю Кубань на дыбы... а две семьи Кулабуховых станиц Новопокровской - бросил в смертельный траур.

Дальнейшая судьба генерала Абашкина мне не известна. На курсах его не было. Это была единственная моя встреча с ним в Москве. Мой-же "монолог" с комиссаром, еще больше утвердил мое решение: - "бежать!.. и как можно скорее бежать из этой красной страны, как только представится возможность.... а пока мы вместе, на учете, пока со мною родной брат - я должен терпеть и ждать, что бы никого не поставить под ответственность.

А пока что - в поисках работы, в самой работе, многие из нас находили покой, удовлетворение, утоляя ими свои скудные мрачные дни...

В ЛЕТНЕЙ РЕЗИДЕНЦИИ ЛЕНИНА. . .

Узнали, что на одной из товарных станций, есть работа по разгрузке соли в мешках. Работа выгодная, а главное - можно воровать соль, которая в Москве ценится "на вес золота".... фунт крупной нечищенной соли, оценивается на черном рынке, чуть не в две тысячи рублей. Попасть же на эту работу можно только по протекции. А для этого надо обратиться к председателю общества "ЭМПИО". Что это за общество?... Что это за название? - мы не знали, но нашли его в центре Москвы. Оно оказалось "Московское Потребительное Общество", которое выражается заглавными буквами М.П.О., что в произношении получается "Эм-Пи-О".

Председатель правления высокий стройный брюнет лет под сорок, узнав "кто мы" - ласково принимает и распределяет - кого куда послать. Спрашивает желающих - кто куда хочет? Требуются три человека на один камión, который поедет за город, за яблоками в одно бывшее имение, при этом, один должен быть помощником шофера. Таковым мог быть мой брат. Не разставаясь с братом - к нам примыкает войсковой старшина Храмов, большой друг и долгий сослуживец нас обоих. Мы выехали.

Шоссе тянется по склону оврагов. Вид на неровности полей и пролески замечательный. К концу дороги наша машина сломалась и мы едва достигли до своей цели только к вечеру. Из-за поломки ся, мы вынуждены были заночевать там, в 18-ти верстах от Москвы. То оказалось имение одного генерала под названием "Горки", а теперь там государственный "совхоз". Шофер и брат /техник/ стали чинить машину, а мы с Храмовым, пошли в сад, что бы полакомиться свежими яблоками, прямо с дерева, хотя тут-же, в сараях, их были кучи.

Идя по саду между деревьями, кушая яблоки и любуясь яблонями - мы прошли в глубь его и между деревьями увидели белый одноэтажный дом. От него отделились два человека в штатском, подходят к нам довольно быстро и строго спрашивают - кто мы, и зачем и почему сюда пришли? Отвечаем, что мы рабочие, прибыли с намионом за яблоками, но машина испортилась, ее починяют, а мы, вот, прошли в сад, что бы покушать яблоки...

Мы оба в папахах, в бриджах, на рубахах-гимнастерках казачьи пояса. Вглядываясь в нас, один из них спрашивает:

"А Вы знаете, что это есть резиденция самого Ленина?... и вход в сад абсолютно запрещен всем?"...

Услышав это "сакраментальное /священное/ место", мы ответили полным своим незнанием, но страх дрогнул в нашем теле...

"Так вот что, товарищи... убирайтесь отсюда как можно поскорее... а то мы Вас можем арестовать" - довольно строго ответили они. И мы, повернувшись, немедленно же тронулись назад...

Ваня Храмов был всегда нервен и зол. А уговорил пойти в сад - я то был.

"Идем скорей!.. ну его к чорту с яблоками!..могут ведь подумать, что два белых штаб-офицера, секретно проникли в сад, к самому дому Ленина, что бы убить его!" тревожно бросает мне храбрый и умный офицер Кубанского Войска, каковым был Иван Иванович Храмов.

Я думал так-же. Как и понял, что отговорка "пришли за яблоками" совершенно не привлекает во внимание. И мы, быстрым широким шагом скрылись туда, откуда пришли.

К вечеру, к нам пришла почти "вся стража Ленина". Все они латыши. Все в цивильных костюмах рабочего жанра. У всех глаза серые, злые, подозрительные, нелюбимые. Знали-ли они "кто мы" - не знаю. Видимо узнали, т.к. разговаривали только с шофером. Глядя на них, мы поняли, что такие люди-звери, арестовав нас в саду, могли бы "расправиться" с нами как хотели... Так легко бывает попасть в неприятнейшую историю... В Москву вернулись утром

КРАСНЫЕ КОМАНДИРЫ. . .

Иду по какой-то улице и вижу стоят,буд-то бы, наши кубанцы. Они в гимнастерках, в дрянных маленьких шапченках, в разнокалиберных штанах вправленных в поношенные сапоги, при Кавказских шашках оправленных в серебро, но без кинжалов. Явно - всадники красной армии. Мой заношенный казачий костюм соответствовал ихнему, но я был без оружия. Оглядываясь по сторонам - они спрашивают меня таинственно:

"Товарищ... Вы не знаете-ли - где-бы это загнать несколько чучалов белой муки?"

Отвечаю им, что - не знаю, но спрашиваю - кто они?

"Да мы командиры эскадронов конной армии товарища Буденного.. нас командировали сюда на высшие курсы в Москву, ну мы и захватили с собою муки продать ее тут".

Быстрым взглядом пробегаю по их внешности с ног до головы. Так вот они, серые герои красной конницы, против которых мы люто дрались в течении двух лет!..

Так вот они, непосредственные серые командиры, которые, порою, очень смело ходили против нас в атаки!... Кто-же они? - думаю. И заключаю - они не казаки, а иногородние Казачьих Областей, за что говорят их лица, лохматая прическа, глаза и манера одеваться - всего из сосенки. И вид у них нехрапный, видавших виды - и грабежь, и насилия, и кровь и животные удовольствия. Хотя Кавказские офицерские шашки под серебром болтались у них на поясной портупей совершенно не щегольски, но видно было, что они к этому оружию привыкли, оно им не мешает, но они им и не гордятся по-казачьи.

Лица и манеры их простые, грубые, но видно привыкшие к своеобразной власти.

Как малограмотные эскадронные командиры, они присланы "на командные курсы", заполнить пробел знания - науками.

Они говорят со мною "по-равному" и спрашивают: - "А Вы какой армии? Разве не буденовец?" - когда я задержался с ответом.

Они были "очень серы". Подошли ко мне с воровским вопросом - нелегально, на черном рынке спекулировать белой мукой в Москве, которую они, конечно, привезли не из своего амбара. И что бы "огорошить" их и пристыдить в их не офицерском поступке - спокойно отвечаю:

"Я офицер Белой Армии.. Кубанский казак и полковник.... а теперь, вот, в плену".

"Белый офиц-це-ер?" - протянули они разом и отстранясь от меня - недоуменно оглядели меня с ног и до головы... и оглядели уже другим взглядом и... взглядом непримиримых врагов. Но я их здесь уже не боялся.

"Тогда извините, товарищ", говорят они холодно, что то зашептали между собою и отошли от меня.

Думаю, что им стало стыдно передо мною тем, что вот они красные бойцы, эскадронные командиры, прибывшие на высшие командные курсы - вдруг выдали свои спекулятивные тайны и - кому-же!?!.. Да офицеру Белой Армии, полковнику, их врагу. Я был очень рад этому.

- . -

"Вы не белне-ли будете?" - спрашивает нас какой то тип в кожаной тулупке и в сапогах, когда мы стояли на углу одной улицы, ища "маршрут" к своим казармам после работы.

"Да, а что вы хотите?" - отвечает брат Хоменко, Храмов и я молчим.

"Извините меня, но я буду с Вами откровенен... как русский с русскими. Я партийный.. и вот, назначен на Врангелевский фронт комиссаром... Скажите мне - что он, Врангель, хочет?"

"Действительно, он очень жестокий и несет разорение народу?"

Такое обращение коммуниста к нам, на улице, нас и удивило и заинтересовало. Как самый старший и самый логичный среди нас - полковник Вл. Ник. Хоменко разумно рассказал ему, вообще, о целях Белой Армии. Коммунист внимательно слушал /он был интеллигентный/, поблагодарил нас и, видимо, с другими уже мыслями, пошел своей дорогой.

НА СОЛЯНЫХ РАБОТАХ. САПОГИ....

Нас пришло человек тридцать. Человек по пять на каждом грузовике, мы выносили из вагонов большие мешки с крупной темной солью, везли по городу и разгружали в главном складе "Эмпио". Как указал раньше - соль в Москве ценилась очень высоко. Был недостаток ее, почему все воровали - как кто мог. При выезде машины со двора вокзальных платформ - специальные чиновники тщательно обыскивали, и рабочих грузчиков, т.е. нас, и шофера и все закоулки его машины. Но, роль на выдумки хитра. Воровали больше всех шоферы. Они ухитрились приделать в своих грузовиках всевозможные тайные местечки, куда и недодумается заглянуть контроль. Но эти уголки шоферы не могли скрыть от своих грузчиков, поэтому и входили в сделку с ними. Мы вначале боялись "воровать", но были так бедны, а соль была так дорога, что невольно, а потом и с удовольствием поддались "заговору о воровстве" шоферам своих машин. Да и они боялись, что кто-нибудь, даже случайно, может выдать их. Они советовали пошить длинные узкие сумочки и на веревочках держать их с солью между ног, куда неловко лезть обыскивать... Мы так и сделали. Фунт же соли стоил около 2-х тысяч советских рублей. Ну как тут не соблазниться? Украсть же можно один или два фунта, не больше.

Мы работали на разных камионах и сходились только дома, в казармах и там уже хвастались - кто сколько "заработал"?... На Сухаревской толкучке-базаре - ее рвут из рук покупателя, конечно, "из под полы"... Тут - же часть денег мы и проедали - суп, горячие пирожки, которые допускались в торговле.

После работы идем с Храмовым домой. На одном углу встречаем брата. Он без стеснения жадно ест какие-то пирожки и увидев нас - кричит, зовет к себе, сует нам большие горячие пирожки "с чем-то" и радостно восклицает:

"Вот улов сегодня!... ну, узнайте - сколько я украл?"

"На 4 - 5 тысяч" - гадаем мы, взяв среднюю цифру. Брат весело, самодовольно смеется и по складам торжественно произносит: - "на тридцать четыре тыся-чи-и"...

Мы ему не верим, а он достает замусоленные советские тысячные бумажки-деньги и показывает нам их.

Оказывается - по своему доброму характеру, веселому и остроумному, и как техник, знающий мотор - он подружился с шофером давно и сегодня сработал с ним "на-пару", т.е. - кража соли пополам. Мы и рады и удивлены добычи.

"Да ешьте!... сегодня я Вас угощаю!" смеется он и мы идем по улице и без стеснения едим и едим большие горячие пирожки, начиненные "чем-то"...

Надо сказать, что украв соль - надо продать в тот-же день. В казарму нести ее никак нельзя. Обыск часового у калитки - плохое дело.

"Ну, Федя, как хочешь, а я решил завтра-же, на эти деньги, да еще кое-что добавить, купить тебе сапоги", говорит мой старший брат, ставши главою дома после гибели нашего отца.

Я был буквально босый. Уж заос няло. Было сыро. А я в чевяках подшитых "фаданом" /тонкая кожаная полоска на Кавказе/ и в туапсинских деревянных сандалиях-шлепанцах, вместо подошв. Я вначале отказался, но брат и слушать не хочет.

На следующий-же день мы поехали трамваем на столичную толкучку, коей бы базар на Сухаревской площади.

Удивительно - как положение меняет людей и их психологию. Если бы кто понаблюдал как брат выбирал сапоги и торговался за них, то никогда не подумал, что это есть штаб-офицер, а - парень из села....

Вначале брат дельно разсматривал каждый сапог, давил его пальцами по всем швам, тер кожу в руках, залазил рукой во внутрь, искал что-то там и когда находил, что сапоги подходящи - спрашивал цену.

Торговаться было необходимо. Запрос продавца всегда был оч. высок. Официально свободной торговли, ведь, не было. Все торговцы оглядывались по сторонам в ожидании ежеминутного разгона базара отрядами "чека". И дорогие вещи, как сапоги, предлагались в подворотнях, что бы можно было уйти во двор. И выбор был очень ограниченный.

Брат давал вначале пол-цены и тут-же начинал критиковать сапоги: и швы не серьезные, кажется шитые в "один конец"... и подошвы того.... может быть в средне бумажные... и галенища коротки... да кажется еще из гнилого товара, пожженного?... Да и вообще - сапоги дрянь - безапелляционно заканчивал он свой торг и, как будто, собирался уходить.... А, как младший, - стоял, молчал, слушал и смотрел. Брат был очень хозяйственный человек.

"И к чему он хитрит?" - думал я. Сапоги подходящие. Сегодня дождливо и мои ноги совершенно мокры. Не лучше-ли дельно, полюбовно поговорить, попросить уступить и... взять. Мы ищем сапоги с самого утра и уж обеденное время. И есть хочется, и надоело болтаться здесь в тесноте, в гомоне тысяч людей, которые стараются обязательно обмануть один другого.

Брат дает продавцу уже 25 тысяч, а он просит 40. Я примерил их, и когда одел - почувствовалась такая приятная теплота в них, сухость и твердость под ногами, что не хочется снимать их.

Торговец украдкой бросает свой взгляд на мои длинные наговицы через колени, товара "французского козла", которые, за две войны на фронте - стали еще длиннее от ежедневных одеваний и сниманий их "навыорот".

"Ну, вот чяво", говорит он - "37 тысяч и давай твои галенища-а!"

"Тридцать и голенища" - произносит брат. И торг начался вновь. А у нас то всех денег около 40 тысяч и отдавать их все за сапоги - никак нельзя. И вот, сошлись на 34 тысячи рублей и мои наговицы, строевые наговицы, шитые еще в Мерве в 1913-м году.

Я буквально ожил, когда одел эти сапоги на обе ноги. В них так хорошо и прочно стоять на земле, а главное - сухо в них и тепло. Это были мои "первые сапоги" после окончания военного училища. Я всегда носил только чевяки с наговицами. В казарме друзья "поздравили" меня с обновкой....

Было бы смешно, если не было бы так грустно. Такова неволя.

"Сухаревка" - это было знаменитое место тогда в Москве. Это был главный базар-толкучка в Москве. Если что-либо надо купить или продать /все из под полы/ - иди туда. Если хочешь хорошо покушать, стоя, разливной суп с пирожками из под стойки - иди туда. Всякая торговля была запрещена, но из под полы необходимое можно было достать. Если было скучно - иди туда. Там толпы народа, главное "торговок" в платках, все озабочены, все торгуют, призывают, зазывают, торгуются, обманывают, а безпризорники - ловко обворовывают простаков и зазевавшихся. Но все "на-чвку", все оглядываются по сторонам, в ожидании налета войск "чека", когда надо будет спасать не только что свои товары, но и самого себя....

Знаменитая в былом "Сухарева башня", в 30 саженей вышиною, построенная в 1692-м году - при нас ничего не представляла замечательного. Построена посреди широкой улицы-площади, она затормаживала движение. И вид башни, и вид толпы, и вид самой Москвы тогда - были серы, серы, серы.... И скучны.

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕ. КАРТИНКИ И КУРЬЕЗЫ В МОСКВЕ.

Нигде и никогда человеческая душа/нутро человека/ не проявляется так ярко, как в горе, в нужде, в самые неприятные дни его жизни. В таких переживаниях - "себя" уж не сироешь. Кривить душой нехватит сил. В несчастье человек познается полностью, безо всяких подкрас, подделок.

Живя близкою жизнью со своими родными Кавказцами, старшими полковниками, которых я отлично знал еще до войны и во время войны - теперь я видел в другой обстановке этих бывших офицерских старшин нашего полка. Да и не только своих - но видел и других.

Как общая болезнь - все мы хандрили. И степень хандры определялась от разных причин и зависела от внутренних /духовных/ качеств человека, от возраста, от семейного положения, от физического здоровья или нездоровья. У одного оно проявлялось больше, ярче, рельефнее, у другого меньше.

Странно то, что штаб-офицеры в 45-50 лет - чувствовали себя "старинами" и редко кто из них выходил на работу, предпочитая жить голодным солдатским пайком.

Что я заметил, видел, нашел, что - сила воли, энергия, душа человека как положительные качества не зависят ни от возраста человека, ни от его высоких воинских чинов. Даже наоборот: - молодые и не обремененные семьями офицеры - вели себя более независимо и духовно мужественней, чем старшие офицеры-семейные. Это, конечно, пишется не в упрек старшим, а констатируется как психологическое явление души каждого человека.

Вот один забавный курьез. Мы всегда ощущали голод. Организм наш был истощен и нерегулярным питанием и отсутствием в питании нужных веществ. Мой брат это особенно ощущал. Так вот - идут они с Храмовым по Тверскому бульвару в поисках работы - кто-то им сказал, что здесь где-то есть "анархическая столовая", в которой кормят бесплатно. Узнать адрес, обратились к милиционеру /милицейскому/. Они большие друзья-однополчане и по Турецкому фронту и по гражданской войне. Храмов всегда эдак и нервный, а брат наоборот - добряк и любил поговорить. Подойдя к милиционеру, брат Андрей, спрашивает:

"Товарищ милиционер, а где тут находится "монархическая столовая"? Храмов услышав это - дернув его за рукав и строго произнес - "Пойдем!" Тот, непонимая причины, стоит, а милиционер, вяло запустив свою "пятерню" за шею, и чеша волосы, досадно растянул:

"А чо-орт его знает где находится эта столовая"...

Храмов настойчиво, за рукав, стянул брата от милиционера и они быстро пошли по тротуару.

"Ты знаешь как ты спросил столовую?" зло спрашивает Храмов.

"Да-а... "анархическая столовая", отвечает.

"Ты спросил - где тут находится "монархическая столовая?" рубит Храмов

"Да неужели я так спросил?... Ну, тогда, давай скорей бежать, что бы милиционер не одумался и не арестовал бы нас", досадно бросает брат и они ускорили свой шаг.

В казарме Храмов рассказывает нам все это. Мы все смеемся. Смеется и брат и под общий смех добавляет:

"Да чорт его знает... как то язык сам так сказал... сам этого не заметил". И мы вновь все шумно смеемся.

"Ну, Андрей-доброта!... после этого я с тобой в город больше не пойду... через тебя можно попасть и в "чека", говорит Храмов, и мы все вновь весело смеемся.

Здесь у брата Андрей Ивановича сказала не только что его мягкая душа, вызванная и голодом и томлением по семье, но и политическое убеждение. Не сомневаюсь, что большинство из нас тогда оставались монархистами. Вообще-же, революционный строй, даже с февраля 1917г. к нам не пристал...

В поисках работы и на работах - мы так тогда хорошо познакомились с Москвою! Где только мы не были! И что только мы не видели!

Один раз мы купались в национализированной бане у Дорогомиловской заставе и т.к. баня была "государственной" - то она и была плохо топлена и нехватало воды.... Вышли мы из нея с руганью, из Сандуновской бани были!

Москва велика и пешком ходить на работы и обратно, невозможно. Ездили на трамвае, который тогда был, кажется, бесплатный. Теснота в них исключительная. Места берут все "с боим"... На остановках из трамвая трудно вылезти. Многие вскакивают на подножки вагона, за что то цепляются, милиция гонится вслед, останавливает трамвай, хочет арестовать "цепляющихся", за что грозит денежный штраф, но - виновники быстро и ловко разбегаются... а мы видя это - радуемся....

Мы видели их красных курсантов военных училищ, будущих настоящих красных командиров, делающих глазомврную с, емку по оврагам у самого Кремля. Они очень старательно чертили, а я смотрел на них и думал - неужели они не видят русского горя?... и почему они хотят стать красными офицерами?.

Мы видели толпы арестованных, окруженных чекистами густым кольцом, с винтовками в руках, и гнали так, как гонят скот на убой....

И ЕЩЕ КУБАНСКИЕ ОФИЦЕРЫ В МОСКВЕ. . .

Мы привыкли уже "быть вольными" в Москве и, как-то, уже не боялись власти, как пленники.

Идем с Храмовым по широкому тротуару одной из улиц Москвы, недалеко от какого-то железнодорожного вокзала - как увидели идущих по середине улицы арестантов в папахах, окруженных сильным конвоем. Мы остановились. В передних рядах я опознал есаула Носова, из учителей станицы Архангельской нашего Отдела, который был молодым офицером 3-яго Кавказского полка на Турецком фронте, большого друга брата Андрея. * рядом с ним хорунжаго Мельникова 1-го Хоперского полка, того, котораго я послал от Хоперской бригады к генералу Фостикову, действовавшему восточнее нас по сдаче Курянска в декабре 1919 года. Несомненно, то были все Кубанские офицеры, до 50-ти человек.

Впереди них шла крестьянская телега в одну лошадь, на которой сидел в бурке и крупной папахе старик с черною бородою - смуглый, немощный; лицо его худое, сухое, желтовато-бледное. Рядом сидит мальчуган, так-же в бурке. Позади них вещи какие -то. Следующие за подводой казаки были все в папахах, в гимнастерках, в бешметах или в черкесах на распашку. Безусловно, по общему виду, эти люди взяты, арестованы, из строя.

Когда сам арестованный находится под конвоем в толпе себе подобных, то он не знает своего внешнего "вида", - каков он для постороннего? Но вот когда ты вышел "из подобного строя" и встречаешь "соответствующий" - картина и настроение твоей души становятся совсем иными. Ты видишь в этой картине, арестантов под конвоем, несчастных людей, беспомощных и жалких на вид. А когда эти люди в папахах, в так знакомых костюмах, и когда ты опознаешь в них своих родных Кубанских казаков - Ваше настроения проникается особенною любовью и сожалением к ним и... душа обливается кровью.

"Ну чиво ты стал?... пойдём?" - говорит мне нервно издерганный Храмов.

"Это наши офицеры-кубанцы!... я должен узнать - куда их гонят?" - отвечаю

Ваня Храмов ругается, бросает меня и уходит, а я плетусь по тротуару, иду рядом с ними.

Конвой сильный, подойти нельзя. Их вогнали в вокзальный дворик. Они, сняв вещи с подводы - расположились таборком, у стены. Конвой окружив их взял винтовки "к ноги".

И в Костроме, и в Москве - появление арестованных групп людей в папахах, в гимнастерках, в бешметах, подпоясанных казачьими поясами, почти у каждого с серебрянными наконечниками на них, иные в черкесках нараспашку, некоторые в бурках, с лицами темным оттенком кожи, плохо бритыми, все с усами, не малое число с черными бородами, шедшими посреди улицы под конвоем - всегда они привлекали внимание проходящих местных жителей, т.к. внешний вид этих людей, и по костюмам, и по походке, и по лицам - обветренным и загорелым - резко отличался от здешних. Воины, номады, полу-татары, - можно в них найти, но отнюдь нельзя было найти в них "русака", крестьянина или арестованных баричей. Этот внешний вид "людей в папахах" говорил, что они есть аборигенты /жители/ юга России, по внешнему виду воины, арестованные и гонимые сюда красною властью, которую и они ненавидели. Интерес их усиливался, когда они узнавали, что это есть казаки с Кавказа, воины Белой Армии. Их окружали и рассматривали как интересную диковинку, неведомую им и которую они видят впервые в своей жизни; а в данном случае, как казаками воинам Белой Армии - выражали полное сочувствие, смешанное с жалостью.

В толпу окруживших втиснулся и я. Протиснувшись в ней и несводящему с меня глаз хорунжему Мельникову - коротко бросаю ему только одно слово:

"Куда?" - т.е. - куда Вас гонят? А он, высокий стройный подтянутый по-воински, вздернув плечами, чем показал, что и сами они не знают куда их "гонят" - в ответ бросил мне также только одно единственное слово:

"Хлеба?" - т.е. показал мне, что они голодны и он просит достать им хлеба.

Хлыстом горя и обиды за своих родных Кубанских казаков, что они не только что несчастны в своем положении, но они, вот, голодны - бросаю их, быстро выхожу на улицу и, уже опытным глазом загнанного зверя, нахожу и покупаю где-то в подворотне пол-буханки большого сераго хлеба. Возвращаюсь и прошу у ближайшего часового-конвоира передать хлеб арестантам.

Услышав это и увидев хлеб в моих руках - он гонит меня от себя "многоэтажным матом"... Но я уже "стреляный плечник-арестант". Конвоиры все в шинелях и поясах, хотя и стояла летняя погода. Из этого я заключил, что они есть воинский наряд от части, может быть от самой Кубани, как и у нас - от Ростова до Москвы - но отнюдь не чекисты. Значит они есть обыкновенные мобилизованные крестьяне, которые в громадном своем большинстве настроены против красной власти.

Кроме того, мы уже poznали, что конвоиры не любят и не уважают тех просителей, которые заискивающе обращаются к ним. Им надо говорить точно свое желание, действуя на их совесть, на душу человеческую.

Вид пленных этих Кубанских офицеров вызывал жалость. Их поместили в очень маленьком закоулке дворика у большого стационарного вокзала, в тени. Почти все они сразу же сели на цементный пол у своих вещей, скорбные, молчаливые, загнанные... Такой вид имели курды в Баязетском районе 1915г. когда из сел сгонялись все мужчины способные носить оружие и могущие с оружием нападать на русские тыловые обозы. Их потом отправляли на русскую территорию для мощения дорог в прифронтной полосе. Судьба и горе сравнялись... и человек, как таковой, будь то белый, смуглолицый, христианин или мусульманин - оторванный от семьи, оторванный от Земли своей и загнанный в чужую сторонушку - горе переносит он о д и н а к о в о

В данном случае немного подходил и внешний вид двух групп - казаков и курдов. Те, одетые в свои двубортные полубешметы без застежек с открытым воротом, в широких штанах, в постоях /чевяки без подошв из толстой кожи/, на головах в фесках охваченных черными платками - а здесь, почти те-же костюмы, но европеизированные и вместо фесок - у всех папахи на головах. Вместо-же полстяной /войлочной/ примитивной серой пастушеской бурки у курдов - здесь сидят двое в черных Кавказских бурках.

С полубуханкой большого хлеба под мышкой, подхожу вновь к ближайшему конвоиру и прошу разрешения передать его "знакомому" в группе.

Этот конвоир так же "матом" гонит меня от себя, но я не унимаюсь и настаиваю на своей просьбе.

"Которому?.. спрашивает он. Я указал на стройную фигуру хоунжаго Мелькова в маленькой хоперской шапченке, стоявшего впереди своей группы и не сводящего с меня глаз.

"Ну, передай и потом убирайся отсюда к е-еной матери!" - грубо, зло, но очень виртуозно по-солдатски ответил он и отвернулся от меня.

Я понял из этой образной солдатской ругани, что ему осточертило конвоировать арестантов, что красной власти он не любит, может быть сочувствует пленникам, но и боится ответственности.

"Проглотив" безо всякой обиды эту грубую ругань - быстро подхожу к Мельникову и передаю хлеб.

У него грязным белым носовым платочком перевязана ладонь правой руки.

"Что это?" - коротко спрашиваю.

"Отнимали кинжал... я сопротивлялся и порезался им" - отвечает он.

Из под черного пятна, так бросающегося всем в глаза - бурка под самые уши, нахлобученая черная крупная папаха, черная, с легкой проседью, борода утопающая под борт бурки - выглядывало сухое, желто-болезненное лицо какого-то старика.

"Кто это?" - спрашиваю Мельникова, все так же коротко, быстро, пока конвой еще терпит наше присутствие.

"Полквник Солоцкий.... он очень болен... и ему разрешено было ехать в на подводе".

Возле этого полковника Солоцкого, так же в бурке, в каракулевой потертой черной шапченке - сидел красивый юноша с печальными черными глазами. Он, как бы, прильнул к этому больному старику.

"А это кто, молодой человек?" - допытываюсь.

"А это его сын.... хорунжий Солоцкий... ему позволили быть на подводе все время при больной отце" - информирует Мельников.

"Ну, довольно Вам всем тут рассматривать!... убирайтесь все со двора "к такой-то матери!" - вдруг огласил распоряжение старший конвоир. Все молча, послушно вышли на улицу. Пленники, не меняя положения, печально смотрели нам вслед.

В 1931-м году, в Париже на Войсковом Празднике - я неожиданно встретил этого хорунжаго Мельникова, офицера 1-го Хоперского полка при отступлении от Воронежа зимой 1919 года. Где-то южнее Купянска, наша Кавказская казачья дивизия потеряла связь со 2-й Кубанской казачьей дивизией генерала Фостикова. Генерал Шифнер-Маркевич приказал мне от Хоперской бригады, коей я командовал /левофланговой Партизанской бригадой командовал полковник Соламахин/, выслать офицерский раз, езд, найти штаб генерала Фостикова. Боевая обстановка была тяжелая. Весь фронт, почти без боев, откатывался к Ростову... В природе пуржил снег. При дорогом Кавказском оружии под серебром поверх шубы-черкески - представился мне этот хорунжий Мельников на добром коне, без башлыка, в небольшой черной каракулевой папахе. Приятный и подтянутый внешний вид его меня заинтересовал. Раз, яснив обстановку - узнал, что он природный хоперец, окончивший нашу Екатеринодарскую школу прапорщиков. Вернувшись - доложил, что в дивизии Фостикова полный порядок, чем и порадовал нас. Теперь, через 12 лет, я вижу его постаревшим, расслабленным, каким-то немощным. Обрадовавшись такой неожиданной встречи, спросил: - "как и откуда бежал?" На этот вопрос он,

как-то, беспомощно махнул рукою и ответил: - "надо долго и много рассказывать".

Жаль. Из разных крупинки, будущий историк доподлинно напишет полную Историю гибели Кубанского офицерства. Волоцкие - видная офицерская семья Лабинского Отдела.

В АЛЕКСАНДРОВСКИХ КАЗАРМАХ.

Наступила очередь для нас - зачисление на "Военно-политические курсы". Они вмещали в себя 500 офицеров, коих перевели на жительство в длинные двух-этажные Александровские казармы. Они окрашены в светлосерый цвет, не имели двора и своим нарядным видом, выходили прямо на широкую пустынную площадь-улицу.

Надо удивляться, что в богатой, и в такой обширной по территории стране России, даже в Москве, для солдат в казармах, были двойные нары, которые давили на психику обитателей их.

В Астаханских казармах, что бы взобраться на свое место "второго этажа" - надо было быть, просто, гимнастом. И нашим старикам-полковникам, летами в 45-50 лет - было не вмоготу это преодолеть. И судьбе было угодно сделать так, что бы офицеры, строители и воспитатели солдат - на себе бы испытали "жизнь в таких логовищах"...

Удивительно было то, что в казачьих полках, даже на границах Кавказа и Туркестана - каждый казак имел железную кровать с постельной принадлежностью, а солдаты в Москве, в старой своей столице, размещались так примитивно.

В Александровских казармах, вместо нар, были двойные топчаны. Это было лучше и удобнее, но они были так-же двуярусные и, несмотря на высокий потолок - темнили их.

Широкий входной корридор разделял нас от красноармейцев, но общая просторная убогая с приличными удобствами - была загажена "по-солдатски" и удручающе действовала своим зловонием...

К положительным удобствам нашей жизни было то, что Александровские казармы были ближе к центру Москвы и мы были совершенно свободны на выход в город без записок. Не было и часового у дверей.

НА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КУРСАХ. . . .

Предыдущий трех-недельный курс закончен. Окончившие их наши Кубанские артиллеристы, братья-полковники Сергей и Константин Певневы командированы в штаб Петроградского военного округа, куда и выехали немедленно-же. Куда были назначены два других артиллериста - полковник Кочергин и войсковой старшина Березлев - мы не знали. Генерального штаба полковник М.И. Земцев назначен был в штаб Уральского военного округа, в г. Екатеринбург. Ускоренного курса Академии ген. штаба, войсковой старшина Петро Бойко /пластун/, назначен в штаб какой-то пехотной дивизии. Генерал Морозов, на курсах читал лекции по тактике, после чего назначен был лектором по тактике-же в Академию генерального штаба, в Москве-же. Как-то встретили его на улице. Он все в том-же своем "мещанском костюме", каковым был и при нас. Улыбается и говорит нам, что ему отвели в здании ген. штаба, внизу, маленькую комнату, где он и живет.

Мы на курсах. Они помещались на Арбатской площади, в здании бывшей перwokлассной гостинице "Прага". Там-же было и общежитие в номерах. На них была зачисленная остальная группа кубанцев, /морозовцев/ и тех, кто был присоединен к нам из Бутырской тюрьмы. Из генералов были: - Косинов, Хоранов и Мальчевский. Генерал-пластун Бобряшев заболел и умер в госпитале.

Всех офицеров Кубанского Войска было зачислено на курсы чуть свыше ста человек, а остальные, около четырех-сот - были офицеры Сибирских, Колчаковских армий. Зачислены были и все "наши" Донцы 4-го конного корпуса.

Для всех нехватило мест в спальнях Праги и мы, человек тридцать Кубанцев, согласились жить в "аннексе" гостиницы, в задах, на другой улице. Это давало нам возможность "передергивать" ленциями и работать в городе.

Здесь все мы имели отдельные железные кровати с бельем и полный солдатский паек питания, который так-же не был хорош. Общей столовой не было. Пищу брали по-солдатски в свои личные медные котелки и ели кто где хотел и мог... Бедность и примитивность были во всем.

Слушатели курсов составляли "батальон", разбитый на три роты. Батальонным командиром был назначен подполковник Колчаковской армии, бывший воспитатель какого-то кадетского корпуса - высокий сухой приятный старик, еще бодрый, с седой длинной бородой. Командирами рот были капитаны-колчаковцы. Но это не была воинская часть. Разбивка была, просто, для учета людей. Во всей своей внутренней жизни - мы были совершенно свободны, безо всякого подчинения и чиновничества.

Если разобраться по существу дела и посмотреть на курсы с точки зрения Государственной целесообразности - это было хорошее и правильное дело. Страна, выигравшая гражданскую войну в пользу революции - была атакована внешним врагом с территориальными претензиями. Укоренившаяся в стране красная власть - защищала Государственные границы. Для этого надо было иметь сильную армию. Для армии нужны офицеры. Их было очень недостаточно. Власть решила использовать бывших своих врагов - плененных офицеров Белых армий. Потом нам сказали, что в привлечении плененных офицеров "для защиты отечества" от наступления Польской армии - настоял перед властью Генеральный штаб, в который были привлечены видные офицеры генерального штаба старой Императорской армии.

Начальником курсов был генерального штаба полковник Жуков. При нем комиссар, молодой поручик саперных войск, совершенно интеллигентный человек. Лекторами были офицеры генерального штаба. Генерал-майор Верховский, бывший военный министр в правительстве Керенского после Корниловского выступления. Он читал лекции на тему - "Русская армия от Императора Петра 1-го и до наших дней".

Генерал-лейтенант Войцеховский читал лекции по тактике, с разбором по чертежам характерных сражений на протяжении Российской армии.

Полковник Гтовский - лекции по авиации.

Генерал-лейтенант/забыта фамилия/, с чудачествами, и не охотно, читал лекции и по тактике и по военной истории.

На политические темы читал штатский, по фамилии Кондратьев.

По военному цензу - курсы были разбиты на три группы:

1-я, - бывшие штаб-офицеры и выше до октябрьской революции,

2-я, - бывшие обер-офицеры до той-же революции и

3-я, - получившие чины в Белых армиях. На лекции Верховского и Гтовского, как имеющие общий смысл - собирались все слушатели, а на остальные - по группам.

Общая столовая зала Праги вмещала всех 500 человек. Сидели на лавках. На стенах еще сохранились большие зеркала. Впереди сцена для артистов, теперь на ней лекторы. Все помещение очень слабо отапливалось, почему все мы, и лекторы, были одеты по-зимнему.

Открыл курсы полковник Жуков. Выше среднего роста стройный офицер в походной офицерской шинели, с правильными чертами бледного лица, брюнет и с печальными глазами - он коротко, и совершенно не цветисто, рассказал нам, пятистам офицерам Белых армий "о целях курсов". Своими словами воодушевления он нам не внушил, хотя все выслушали его внимательно.

Потом говорил комиссар. Говорил хорошо, пылко. Хотя он и был офицер, но слово "комиссар" - было нам давно ненавистно и не внушало к нему доверия. Он оказался хорошим человеком и относился к нам внимательно. Мы уже убедились, что многие военные и гражданские лица, остались на службе в красной России по инерции занимаемых должностей раньше, и потом - что бы жить, содержать семью.

Их слова недоходили до нашего сердца потому, что мы являлись врагами красной власти, которую поддерживать, да еще с оружием в руках на командных постах в красной армии - совершенно не собирались. Не только мы, пленники, но и большинство населения были "пораженцами". Надо было только удивляться - как могла красная власть победить Белые фронты, при таком настроении народа?!...

Единственно что прельщало нас "пройти курсы" - это получить легальную свободу и устраивать свою судьбу кто как хочет, умеет, найдет возможности.

Этак думали мы, казаки, в интимных беседах, как разоренный народ, для которых своя родина, свои станицы - были закрыты. Офицеры Сибирских армий адмирала Колчака хотя и были настроены против красных - мирились с положением.

НАШИ ЛЕКТОРЫ - ВЕРХОВСКИЙ, ГОТОВСКИЙ, ВОЙЦЕХОВСКИЙ, КОНДРАТЬЕВ.

Лекции начались. Приказано их не пропускать, что бы не попасть вновь за проволоку... В каждом отделении был назначен старший, наш-же.

Лучшим лектором общепризнан был генерал Верховский. Когда он читал, т.е. делал доклад - в зале с 5-юстами слушателей, стояла гробовая тишина.

Читал он с эстрады, с бывшей артистической сцены гостиницы Прага. На сцену он выходил скорым шагом. Все вставали. Поклоном приветствуя нас - просил садиться. Одет он был всегда в штатское пальто до колен, перешитое из офицерской шинели защитного цвета, в шароварах, в сапогах. Не снимая пальто /было всегда холодно/, положив фуражку, шарф и перчатки на стол, и помяв слегка кисти рук, как мнут их после холода или застоя - он всегда обращался к своей аудитории такими словами:

"Товарищи... прошлую лекцию я закончил тем-то... а теперь я освещу то-то"... и начинал.

Он был молод. Думаю 35-40 лет от роду. Выше среднего роста, сухой, с некрасивым лицом, но приятным, живым. Говорил он хорошо, внятно, не торопясь и все время следя за аудиторией /слушателями/, направив свои глаза в самую гущу нас. Говорил он красивым литературным столичным языком. Он, ведь, окончил в Санкт-Петербурге Пажеский корпус и Академию Генерального Штаба!

Во всю свою часовую лекцию безо всяких письменных пособий в руках - он держал нас в полном напряжении и тишине, сам изредка медленно передвигаясь по сцене, но все время направляя свои глаза на слушателей, т.е. не спуская с них своих наблюдений.

Верховский не только что отлично знал свои лекции, но он их любил и смаковал. Читая их, он проводил параллель между нашей Историей и Французской революцией, словно давая понять, что - все окончится внутренним изживанием коммунизма, или переворотом. Так мы его понимали. Его час проходил так скоро, что мы были, даже, недовольны.

О нашем Белом движении он никогда не обмолвился ни единым словом. Но как-то, к слову, сказал:

"Мы с генералом Брусиловым /он назвал его только по имени и отчеству/ знали, что ежели /"ежели" - это было его любимое слово/ генерал Деникин войдет в Москву - мы оба будем повешены на телеграфных столбах... Зная это - мы сознательно стали по эту сторону баррикад"...

Никто ему на это ничем не ответил, т.к. и сами вознавали, что "это могло случиться, именно, так"... Произвол и погубил, ведь, Белое Дело!

только одной

В Отечестве патриотизме, а в Казацьем особенно, недостаточно было проявлять личной храбрости и ненависти к красным, но надо было проявление и трезвого разсудка. Глубокое заблуждение, что "настоящие патриоты" были только в Белых армиях. Целый год варясь в гуще Российскаго народа разных рангов, положений - мы редко встречали сочувствующих красной власти. Все любили свое Отечество, страдали и ждали перемен.

Как-то во время лекции, подняв нас до полного напряжения сравнением с Французской революцией, ее падением и воцарением Наполеона - кто-то из нас громко спросил: - "А у нас чем она закончится?"

Верховский улыбнулся, вытянув руки вперед ладонями к нам, как-бы защищаясь от такого шепетилнаго вопроса, ответил: - "А этого я Вам не скажу... я не хочу попасть в ЧЕКА"... В ответ, мы весело, сочувственно коротко загоготали.

И неизменно, его лекции заканчивались дружными нашими аплодисментами. А он, коротко раскланявшись нам, брал свою фуражку, шарф и перчатки - улыбался и спешно уходил в боковой выход.

И только у Верховскаго, но и у всех профессоров было много лекций в разных университетах и других учебных заведениях, почему время дня было точно распределено. За свои лекции они получали грошевое вознаграждение, но главное - за них давался продовольственный паек, который был так дорог и ценен в полуголодающей Москве.

- * -

Вторым отличным лектором был полковник Готовский. Он был одет так-же как и генерал Верховский - штатское пальто перешитое из офицерской шинели защитнаго цвета, в шароварах, в сапогах. От холода, во время лекций, он не снимал и шарфа, опустив концы его вниз, на грудь.

Готовский офицер одного из кавалерийских полков. О нем говорили, что защищая личное достоинство - он нанес физическое оскорбление своему грубому командиру полка. За это был судим, разжалован в рядовые. Поступив в авиацию - был награжден двумя Георгиевским крестами и переименован в младшие унтер-офицеры. Во время революции 1917 года - возстановлен в чине полковника.

Так-ли это - пишу что говорилось о нем, но его благородное бледное лицо с широким лбом, уставшие большие серые глаза, отсутствие какой-бы то ни было улыбки на лице, говорили, что он многое пережил, живет только наукою, замкнувшись в себя. В лекциях он восхищался авиацией поставленной за границей и, как-бы, сожалел, что в России этого еще нет.

Читал он глухим голосом, медленно двигаясь по сцене и не глядя на нас. И несмотря на это, его лекции мы слушали с удовольствием, как и проникли уважением к нему за его многострадание. По окончании лекции ему мы не аплодировали, а он, взяв фуражку и перчатки - спокойно уходил со сцены, уезжая на лекции в другие места. От него исходило Байронизмом.

Генерал Войцеховский, читавший лекции по тактике хорошо, скромно, не увлекаясь. Небольшого роста, в кителе, в шароварах с, уженках, в сапогах - он представлялся нам буднично и только его старый офицерский костюм без погон, говорил о его былом положении.

Другой генерал-лейтенант /забыл фамилию/ больше скоморошил нас. Во всем старом офицерском мундире, не снимая длинной шинели защитнаго цвета, на которой так заметны были следы от погон - он откровенно нам сказал, что он работает "за паек", почему ему важно иметь "число лекций в день", только. Несмотря на все наше несочувствие красным, таков откровенное заявление стараго генера-лейтенанта лет под 55 - нам не понравилось. Его лекции мы "передергивали", уходя на работы.

-лекции-

Ежедневно полагалось выслушивать два часа - "по политической грамоте". Их читал штатский, по фамилии Кондратьев. Он так увлекался, и так горячо, складно, логично говорил, что приходилось удивляться - как все это помещалось в его голове; и как он все это не забывает; и как это он, в такой последовательности, словно пулемет, пуля за пулей, выбрасывает нам свои фразы, доказательства. Мы прозвали его "пулемет".

Вначале лекции его имели перерыв на десять минут, но потом он просил нас читать свои лекции непрерывно, оба часа. И оба часа, он говорил, говорил...

Он не только говорил нам о революции, почему она произошла, как произошла и что происходит сейчас в России - но он нам доказывал, он нас уговаривал вникнуть в его слова и поверить, что - "все будет только для пользы всего человечества"... И в доказательство привел параллель между рождением человека и рождением революции - так:

"И дитя рождается вначале безформенное, шупленькое, слабенькое, крошечное, слизистое и ничего собой, как-будто, не представляющее... но проходят годы, оно формируется, растет, принимает нормальные образы и - делается человек - сильный, красивый. Вот так и революция".

Лекции свои он читал не с эстрады, а располагался стоя в нашем проходе между рядом скамеек. Митинговый облик лекций-докладов, видимо, был ему милее в толпе, чем с эстрады. И несмотря на все его красноречие - его слова недоходили до нашей души. И мы не раз, небольшими группами, под разными предлогами, покидали лекции и шли на работы по пилке дров, куда нас вызывали старые знакомые евреи.

- . -

Все мы очень интересовались событиями на Польском и Крымском фронтах. Вначале красная армия подступила к самой Варшаве. Мы ждали, что столица Польши падет. Туда уже было назначено Польское коммунистическое правительство во главе с чекистом Дзержинским. Его портрет красовался везде. Худое изможденное лицо аскета говорило нам о его жестокой душе. Мы искренне тогда жалели Польшу. И вдруг - полный переворот в успехах. В Варшаву прибыл французский генерал Вейган со своим штабом и красная армия, получив сокрушительный удар - покатила назад.

Ежедневная советская сводка говорила о полном отступлении красных армий. Их вывешивали на всех углах улиц. С раннего утра, и мы, и обыватели, неизменно толпились возле них, радуясь тому, как бежит красная армия, гадая: - войдет ли Польская армия в Москву и... когда?

Что неудачам красных радовались мы - было понятно, но почему радовались обыватели Москвы?! Да потому, что все ненавидели советскую власть и желали ей всякого лиха и падения. Даже рабочие, с которыми мы так часто встречаемся и работаем вместе - они зло, смачно презрительно ругали красную власть и желали ей падения.

КОНЕЦ КУРСАМ. ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ. . . .

К 20-му октября 1920 года, наши трехнедельные курсы были закончены. Все мы получили "выпускное обмундирование": - серая репанья солдатские шапки, шинели всевозможных сукон, защитные гимнастерки, штаны и грубые солдатские сапоги. Все обмундирование было солдатского фасона и низкого качества. Его мы выбирали "по росту" в общей зале с шумом, с гамом, с островами, почему и было весело. И когда нарядились во все это, то... перестали узнавать один другого... В особенности меняли лица эти серая солдатские репанья шапки, презираемые нами, в особенности, со дней революции. Этот костюм полностью переменял наш казачий облик, вызывая у нас, и смех, и тоску,

и думушку горькую, печальную: - "а что-же будет дальше с нами?"....

По случаю окончания курсов, там-же, в бывшей гостиннице Прага, в одном из залов во втором этаже, слушателями курсов, был дан короткий дивертисмент. Была сыграна какая-то веселая пьеска из произведений Чехова. Артистами были офицера Колчаковской армии. Мы, кубанцы, выступили своим хором. О нем потом. После концерта - бал... Конечно, "этого бала" лучше было бы и не делать. Он походил больше "на солдатский бал-вечер", а не на офицерский. На нем присутствовал начальник курсов, генерального штаба полковник Лунов, комиссар курсов поручик саперных войск со своею супругой и никого из лекторов наших. Почти все эти пять сотен белых офицеров, прослушавших трех-недельные курсы, после концертного отделения, мрачно запленили углы и проходы-корридоры зала, в ожидании "праздничного ужина со сладким пирогом", как было объявлено. Но ужин будет только в 11 часов ночи. И в ожидании его, некоторые молодые офицеры Колчаковской армии, танцевали старые бальные танцы друг с другом за отсутствием дам. Мы-же казаки, только гдазели на это, оставаясь чужеродным элементом "в стране своей"... И только "ужин со сладким", заставлял большинство из нас не покинуть "бал" и идти спать.

Наконец бал закончен. Мы разобрали тарелки и стали "в очередь" по-солдатски у окошка своей кухни..

"Выпускной ужин" не изобиловал количеством еды. Дали по порции жареного мяса, много гречневой каши и по куску сладкого пирога с яблоками. Проглотив все это с абсолютно пустою душою - все немедленно-же разошлись спать по своим помещениям, совершенно не предчувствуя беды, которая пришла к нам в эту же ночь.

Г Е Н Е Р А Л В Е Р Х О В С К И Й.

В одном из журналов "Часовой", издающемся в Бельгии капитаном В.В. Ореховым, сказано, что он умер лет 15 тому назад, поэтому я могу поместить эти строки.

Накануне закрытия курсов, после своей последней лекции, он сказал со сцены:

"Я хотел бы поговорить с генералами и старшими полковниками... соберитесь сейчас в левом проходе от сцены".

Заинтересовавшись, человек 10 из нас быстро прошли в указанное место. Верховский немедленно появился перед нами и первые слова его были к нам:

"Господа!... как могла разбить вас эта сволочь?" - сказал он это, вначале оглянувшись по сторонам и, как-то, пригнувшись к нашей группе.

Во время своих лекций, он неизменно, и очень часто, обращался к аудитории слушателей со словом "товарищи", что нас и удивляло и возмущало, но здесь, назвав нас "Господа" - подкупил искренностью.

"Ваше Превосходительство!... что же дальше будет?" - чисто по старому, как люди одной военной среды, быстро спросил генерал Хоранов.

"Надо идти"... лаконически ответил он. И тут-же быстро произнес:

"Я хочу поговорить с Вами откровенно. Но не со всеми. Выберите от себя двух-трех человек и прошу прийти их ко мне на обед в Воскресенье".

Мы тут же указали на генералов Косинова и Хоранова, он дал им свой адрес, поклонился нам, а генералам подал руку, и ушел.

Это Воскресенье, которое должно было быть завтра, мы ждали возбужденно как духовную радость и какую-то надежду на будущее.

Верховский умный и культурный генерал. Безусловно, он изучил психологию многих революций, произошедших в мире, как и знал цену военных соглашений между государствами, короткие порою расторгалась по невыгодности и эгоизму договарившихся Стран.

После Корниловского выступления 1917 года - он стал военным министром Временного Правительства Керенского. Столкнувшись с жуткой действительностью многомиллионной Русской армией тех месяцев - в секретном заседании "Совета Республики", он заявил, что армии, как таковой, нет. Она разложилась. Для спасения Отечества - надо заключить с Германией сепаратный мир. За столь смелое заявление - он немедленно же был уволен от должности. Лозунг же Временного Правительства, высших военных и гражданских сфер, был: - "Война до победного конца, в согласии с союзниками". Чем все это закончилось - Россия испытывает на себе до сих пор. За это время много раз переменялись и союзники и разные союзы. Всякая армия, потерявшая дисциплину, воевать не может и не может выйти из войны победительницей. Генерал Верховский это понимал тогда гораздо глубже и яснее, чем многие. Одни тогда стремились сохранить Отечество, а другие - "завоевание революции". Но это не есть тема моего писания. Перехожу к нашей дальнейшей "одиссее".

МАССОВОЙ АРЕСТ. ЖУТКАЯ НОЧЬ. НАС ВЕЗУТ НА ВОСТОК...

Наша группа человек в 30, жившая отдельно в "аннексе" на задней улице, проснувшись на другой день "после бала" - в нетопленном помещении закутавшись под одеяла и шинели - ждала утреннего чая. Очередной за чаем хорунжий Дробышев, взяв ведерный медный чайник, пошел за ним в Прагу. Минут через 15 возвращается "без чая" и, как часто, остроумно и загадочно, но с бледным лицом, заявляет:

"Ну, поздравляю Вас господа... мы все арестованы... у нас, в коридоре, стоит караул курсантов... никого не выпускают.. и у меня отобрали все деньги... так что - скорее прячьте свои" - и он рассказал подробно, как все с ним случилось.

Быстро вскочив с постелей, спрятав где можно "свои тысячи советских рублей", еще не веря Дробышеву - спускаемся вниз, что бы убедиться - так ли это?

"Это было так"...

Внизу, дорогу нам преградил военный караул красных кавалерийских курсантов с карабинами в руках.

"Ваши документы?... Ваши деньги?" - были их вопросы. Документов у нас не было никаких, а "тысячи" мы уж спрятали в общежитии. Мелочь в кошельках они не тронули и приказали вернуться назад. К обеденному времени, /но не на обед/, нас препроводили в большую залу одного из этажей Праги. Все 500 человек беспомощно сгрудились вместе. У многих растерянные бледные лица. Спрашивают один другого "что случилось?" - но никто не находит ответа.

У дверей вооруженный спешенный эскадрон красных курсантов. Они отлично одеты и дисциплинированы. К нам входит их начальник, молодой человек лет 25-ти. На нем гимнастерка, бриджи. На голове черная каракулевая шапочка на "кубанка" с красным плоским верхом. Он при палке, револьвере. В руках толстый кожаный желтый портфель. Вид его, по нашему, молодецкий. И интеллигентный. Он быстро садится за высокий стол-киторку, вынимает бумаги из портфеля, раскладывает их перед собою и говорит:

-точно-

"Я буду выкликать по фамилиям и каждый должен-отвечать на вопросы". Среди нас стоит гробовая тишина. На душе становится жутко.

"Косинов?" выкликает он.

"Я-а"... отвечает наш дорогой Георгий Яковлевич, любимец всех, первоходник, наглядная и признанная красота Кубанского офицерства.

"Ваш чин?"

"Генерал-майор" - отвечает коротко.

"Последняя должность в Белой армии?" - спрашивает этот молодой, и видом молодецкий военный, и отмечает что то у себя в списке.

"Начальник дивизии" - отвечает Косинов.

"Какой армии?"

"Деникинской"...

"Хорошо... следующий. Хоранов? и ему задал те же самые вопросы. Потом шел генерал Мальческий. Было только три генерала среди нас всех.

Вызвал вначале Кубанских офицеров, почему, следующим был автор этих строк, как был внесен еще генералом Морозовым в Екатеринодаре

"в список"

Было страшно в гробовой тишине 500 пленных офицеров, под короткие вопросы и ответы стоять и слушать.

Опросили всех и развели по своим спальням. На обед привели под конвоем. Когда наша группа с другой улицы подходила к Праге - - к зданию подкатил пароконный фаэтон. Сбруя добрых лошадей была украшена красными лентами, как это бывало у нас на свадьбах. Из фаэтона вышел довольно видный собою человек в теплой длинной поддевке и прошел мимо нас куда то во внутрь здания. То прибыл из Кремля комиссар Петровский. Что он привез - была для нас тайна.

На наше удивление - был арестован и комиссар курсов, как бывший офицер. Он сидел в своей комнате, иногда выходил в коридор, разговаривая с нами. Он устал от политики и хочет выехать на отдых в леса Карелии, чтобы не видеть людей и не слышать ничего, что творится в мире, как откровения начал он с нами.

- . -

В полночь нас разбудили и приказали с вещами идти к Праге. Ну, вот и конец, подумали мы. Издерганные за день, мы крепко спали, и когда нас разбудили, мы почувствовали, что главная беда, подступила вплотную к нам...

Как нарочно, с вечера, пошел сильнейший снегопад. В полночи поднялась буря. Все гудело и завывало кругом, словно напевая нам предсмертные наши часы. У здания Праги уже стоял эскадрон красных курсантов с карабинами в пешем строю.

Ну, вот и... "конец" - подумалось. И сотня вооруженных людей в темноте, при такой ужасной вьюге, казались демонами, присланными сюда из самой преисподней, для наказания нас...

В отель мы не вошли. Оттуда, беспорядочной кучкой, с чемоданами, с узлами, с сумами - быстро выходили все вчерашние слушатели военно-политических курсов - числом пять-сот... Эскадрон быстро оцепил всех и двинул куда-то по улице.

Ветер с севера, путаясь меж улиц, рвал все на своем пути, бросая и людей из стороны в сторону. Мы невольно растянулись беспорядочной ордой. Конвоиры-курсанты, прозябшие так-же, торопили отсталых. Бедные наши старики-полковники, издерганные физически и морально, со своими узлами, они буквально изнемогали. Некоторые падали. Полковник И.И. Захарьин, бывший командир 2-го Кубанского полка в Великой войне, все время болевший желудком, истощенный, но всегда приятный в обращении, просит помочь ему. Беру его узел. У меня никаких вещей. Полученная казенная пенелишка, пошита из цивильного сукна, узкая и короткая, почему я и легок в движении.

У генерала Хоранова особенно много вещей. Власть оставили ему и седло, которое он тщательно скрывал от нас. Но здесь уже не скрыл. Его несет Хорунжий Дробышев.

"Валентин Захарыч?... может-быть бросить его?... на кой чорт оно теперь случилось?" - слышу слова, порою дерзкого на слова, но умного и логичного Дробышева.

"Как хотитв, Александр Сидорович" - беспомощно, и с жалостью к своему старинному осетинскому седлу, отвечает Хоранов.

Но Дробышев седла не бросил. Высокий стройный сильный красивый брюнет, он и здесь "розыграл" генерала Хоранова, т.е. пошутил. Он бывший студент, почему, порою, и полен на шутки.

Великое дело, это д р у ж б а. При ней, с нею, среди друзей - и умирать не страшно.

Мы, Кавказцы, стараемся идти вместе. Хоменко, Хоранов, брат Андрей и я - это неразлучная четверка, к которой примыкали Корниловцы, три Лабинца /Кротов Баранов и Красовский/, пластуны-учебняне и неизменные с нами Хоранов, Саща Клерже, Долженко и Дробышев.

Мы шли долго. От быстрого, понукаемого конвоем, движения, да еще с вещами - все "упарились". Наконец подошли к какому-то пустырю с воротами. Вошли в него и вдоль забора-заостокола из шпал - шли и еще вглубь него. Потом нас остановили и приказали "ждать". А чего ждать и сколько? - не сказали.

Вправо от нас много жел. дорожных путей. Много поездных товарных составов. Все занесено, завалено снегом. От долгой и быстрой ходьбы, мы все были очень разгорячены телом. Было, даже, приятно. Но скоро все почувствова-холод, да еще какой!...

Стража куда-то ушла. В глубоком снегу почти до колен, мягком, рыхлом, только что выпавшем - большинство присело на корточки, для отдыха. Присел и я и незаметно заснул, сидя на корточках. Вдруг будит брат со словами:

"Да ведь ты, Федя, так замерзнешь!... иди, вон туда, к кострам".

Я открываю глаза и вижу несколько костров, но тело мое так скорчилось от холода, что я едва поднимаюсь на ноги.

Выброшенные на ночь на пустырь - энергичные офицеры, под снегом, достали шпал и вот теперь - мы у костра... И так было приятное дыхание тепла спереди! Но спина - она была все так же холодна.

Все, что бы согреться - бегали, плясали, размахивали руками, толкали один другого. Скоро костер погас. Шпал недостаток. И стало еще более холодно - и на душе и в существе каждого.

Я буквально замерзаю в своей короткой легкой летней шенелишке. Начинаю бегать. Вдали вижу огонек в какой-то хатенке. Бегу туда. Это казенное зданье для стрелочника. Но оно полно нашими офицерами и конвойными курсантами. Посреди, до-красна, накалена чугунная печь. У столика, командир, начальник красного эскадрона курсантов, облокотившись на него, дремлет. На его полуконусообразной шалченке донской формы с красным верхом - нашиты галуны. Лицо полуинтеллигентное. Мундир - с претензией на шегольство. Он при кавказской шашке в богатом серебре. Он глава конвоя и, конечно, ответственен за сохранение-охранение нас, арестантов. Но он так же очень устал, промерз. И перекивнувшись всем своим телом и лицом - он беспомощно спит, облокотившись на столи. Он, ведь, тоже человек!

А его "красные юнкера"?... Забыв свои посты - они, переплетясь телами со своими арестантами - сплошным месивом спят вповалку на полу, на лавках, во всех углах и, вообще, там, где можно притулиться в этом казенном железно-дорожном домике стрелочника.

Видя эту картину - я смело шагаю между тел к печке, быстро обогреваю себя, и найдя кусочек места между мертвецко-спящих тел - склоняюсь на какое-то тело и быстро засыпаю в тепле, как счастливейший человек....

Сквозь сон слышал как кто-то приходил и уходил, видимо смененный караул; меня толкали, мяли, будили, но - все это было напрасно. Во 1-х - я хотел спать, а во 2-х - я знал, что если я проснусь и уйду отсюда, то потом будет невозможно попасть опять сюда. Так лучше уж спать под толчки и пошукания, чем проснувшись, и будучи выброшенным вон, вновь бороться за теплый сон здесь, в этом задохшемся от испарения воздухе.

Утром нас всех убрали отсюда. Взошло солнце и осветило картину нашего "бивака". Оказывается, мы были во дворе одного из Московских товарных вокзалов, где за ночь было все занесено полуаршинным снегом высоты.

Нам указали на товарные поезда.

"Это для Вас... размещайтесь" - сказали.

Двери вагонов были открыты и все их внутренности, были занесены снегом.

Что делать? Полковник В.Н. Хоменко, командир 1-го Кавказского полка, не растерялся и здесь.

"Чего-же Вы стоите, чорт бы вас побрал!... Ищите метла и выметайте снег!" бросает бодряще к нам всем свою любимую фразу "чорт бы вас побрал", в которой он всегда выражал любовь к ближайшим. И сам бросился искать.

Я всегда удивлялся, как и восхищался, как в этом маленьком сухом теле было так много и духовной и физической силы? И как он был всегда последователен и логичен. Лет же ему было до 35-ти, только. Мы его очень уважали и он был молча признан авторитетом меж нами. И вот - кто-то, и где-то, достал лопату, отрывок доски и.. вагон наш был очищен от снега. Вошли в него, разместились, но... ни нар не печи в нем.

Скоты, скоты!... но только незнаю кто - мы-ли, пленники, иль они, власть!? Кто бы мы ни были... каковы бы не были наши "преступления" перед ними - но так обращаться с людьми, все равно, недопустимо. Ведь это пять сот Русских офицеров, наконец-то! Они учились, долго служили своему Отечеству, за него воевали, многие потеряли на войне здоровье, ранены были.. И за что же это?!... Где и как мы должны погибнуть - их это не интересовало. Мы им нужны были только по необходимости, а дальше... а дальше, как сказал мне комиссар в Москве в Астраханских казармах - "мы вас сгноим в Мурманских лесах и болотах"... а если и сегодня кто окоченеет от холода - для красной власти безразлично, иль еще для них "лучше будет"...

Но никто из нас, пяти сот офицеров тогда, не окоченел от холода. Все оказались живучи, потому что все были воины, закаленные в своем здоровье.

Наш длиннейший поезд товарных вагонов направился куда-то на север. Испытав многие несуразности красной власти - мы уже не интересовались - куда нас везут... Для нас важно было как можно удобнее устроиться в своих вагонах.

Но какое может быть "устройство" в товарном вагоне, рассчитанном на 40 человек, без нар и печи?!

Человек, как всякое живое существо на Земле, будь то зверь или птица, привыкает, приспосабливается ко всему, что бы жить. Приспособились и мы в своих нетопленых вагонах без нар.

Вологду проехали ночью. Значит, нас отправляют в Архангельск, заключили мы. Проснувшись, узнали - поезд идет на восток.

Обнаружили, что наши вагоны не охраняются часовыми. Смелеем в распросах и узнаем, что "курсы" перебрасываются в Екатеринбург. С нами едет и новый комиссар курсов. Он с конвоем помещается в головных вагонах. Старшим вагонов он рассказал следующее:

"Война с Польшей закончена. Но в центральном комитете партии в Кремле, были острые трения, т.к. Польша пред, явила тяжелые условия мира. Часть

центрального комитета-совета настаивала на продолжение войны, а другая за необходимость мира. В Москве к этому времени скопилось в казармах-лагерях и в Бутырской тюрьме около девяти тысяч пленных белых офицеров. Боясь, что воинственная часть совета может использовать их "для переворота" политического курса - решено было в одну ночь "разгрузить Москву". Всех из Бутырской тюрьмы направлены в Архангельск, а "курсы и кандидаты" к Екатеринбург, где и будут продолжаться занятия", закончил он.

Верить или не верить - нам не приходилось. Этот новый комиссар был так же офицер, молодой интеллигентный человек, оказавшийся довольно симпатичным. Как мы уже заметили, в партию многие поступали что бы сохранить свое положение, должность, или что бы прилично жить. Весь-же преподавательский состав, остался в Москве. К этому мы отнеслись совершенно безразлично.

- . -

Для питания, нам выдают только хлеб. На остановках больших станций, можно получить кипяток. Перед Вяткой, мы вступили в район "шаников" и печеной брюквы, как главного деревенского продукта для питания и для продажи пассажирам проходящих поездов. Шаники - это наши вотрушки, но вместо сладкого свежего сыра, они заполнены мятым картофелем, или горохом, или фасолью. Размером в большую ладонь - они мало вкусны, но зато заполняют тощий желудок. Брюквой, раньше крестьяне кормили скот, теперь же ее пекут в печке, почти как лакомство для людей, вкусом и цветом похожая на сахарный бурак. На них мы и набросились....

Поезд наш останавливался, почему-то, перед вокзалами или пройдя их. С покупками еду бегу к своему вагону и вижу, как вторая половина состава находится под сильной охраной часовых. Двери вагонов закрыты. При каждом вагоне часовой с винтовкой. Он по-очереди выпускает по два заключенных для отправления "естественных надобностей" здесь-же.... Картина стыдная до омерзительности. Стараюсь не смотреть на это и бегу дальше. Вдруг слышу знакомый голос:

"Дорогой!... купите мне что-нибудь поесть!"

Поворачиваю голову и, в приоткрытой на две четверти двери вагона, узнаю крупную фигуру полковника Захарова, бывшего командира 3-го Кубанского полка в Великой войне на Персидском направлении. Он в шубе-черкессе в своей светл-каштановой папахе хорошего курпоя. Но и папаха и лицо его очень помяты. Он был так-же с нами "кандидат" на курсы, но заболел, не попал на них, и теперь, как и все "кандидаты", не только не свободен, но у дверей ждет своей очереди, что бы "оправиться"....

И к нему, что бы дать часть своих "шаников", как часовой, взяв винтовку на перевес, преградил мне дорогу. Но, как я уже писал - мы были "стреляные" пленники.

"Я из курсов"... твердо ему говорю.

"А-а!... ну тогда /тогда/ можно", ответил "почтительно" страж. Больше я не встретил полковника Захарова и не знаю его судьбу. Их потом совершенно отделили от нас.

Нас везут по неведомым местам Вятской губернии. Идут леса и поляны. Все в снегу. Колорит местности серый-серый и скучный. Города и вокзалы с неведомыми нам именами. Новая остановка. Читаем - Пермь. Вон уже где мы /?!/....

При губернских городах долгая остановка. Разрешается сбегать и в город, на базар, конечно. При каждой станции большого города висит на черной досчаной плакат на высоких столбах. Назывался этот плакат, кажется, "устная газета", на котором крупными белыми буквами писались главные новости, что происходило в красной России. И вот, в Перми, мы читаем:

"На Крымском фронте убит белый генерал Бабиев. Взят в плен Донской Атаман генерал Богаевский со своим штабом".

Испытав на себе вранье красных - мы не поверили этому сообщению, но в моей душе "екнуло" горестное чувство: - "Там наши еще сражаются за свою правду, а мы тут, такие несчастные"...

Генерал Бабиев был, действительно, убит, а генерал Богаевский, сам рассказав мне в Париже, что он действительно, едва не был захвачен в плен во время прорыва красной конницы Млобы.

После Перьми, мы вступаем в совершенно лесистую часть Уральских гор. Сплошной сосновый лес-бор. Все в глубоком снегу. Мертвая тишина кругом. Маленькие редкие станции. Собачий холод. С, естного недостаток. Поезд остановился на большой станции Кунгуру. Но и в ней, кроме кипятка - ничего нет. Здесь производятся большие лесные работы и имеется рабочий клуб. Иду туда, в надежде что-то достать. Бревенчатый барак, в нем длинные столы и скамейки из толстых досок. На стенах плакаты вождей. Топится железная печь. В клубе - ни души. Вслед вошел стройный рабочий с бородою, лет 35-ти. Он в валенках, по здешнему "пимы"; в овчинной солдатской безрукавке "топного вида", которую выдавали солдатам зимою на Турецком фронте; на голове местный трех, меховой, из зайца или лисы, с опущенными концами вниз, которые от холода можно и завязывать у гортани. Он оказался председателем клуба. Я греюсь у печи. Он подошел ко мне, присел и спрашивает:

"Откуда и куда следуют заключенные?" Я сказал "куда". При этих словах, я прочитал в его лице сочувствие. На мой вопрос о еде, он ответил, что в клубе ничего нет, так как рабочие в клуб приходят редко. В разговоре обронил фразу, что с заключенными едут и военные курсы. При этих словах, лицо его сразу-же переменялось.

"Так Вы, товарищ, будете из курсантов, значить?" спросил он подобострастно. Я вспомнил, какое магическое действие производят эти слова на население: - у крестьян ненависть, а у партийных восхищение. И т.к. он был партийный, то и "просиял"; и тут же начал восхвалять советскую власть, о ее заботах о рабочем классе и пр. и пр.

"Ну, вот, посмотрите, товарищ", говорит он. "Я простой рабочий... а сейчас председатель клуба. И я, вот, бесплатно получил эту куртку и пимы. Конечно, они не дороги стоят, но мне их дали бесплатно. Ведь это-же поощрение?"

Я слушаю, смотрю ему в глаза и изучаю: - шутит-ли он, или розныривает советскую власть?

Выслушав, вторично спрашиваю:

"Ну, а купить что-либо для еды, можно здесь у Вас в клубе?"

"Нет, товарищ... это достать трудно. У всех только для себя"...

Погревшись, пошел к своим, рассказал в вагоне и... все смеялись.

МЫ У ЦЕЛИ. . . В ЕКАТЕРИНБУРГЕ.

Дней через десять прибыли в Екатеринбург. Наш состав остановился перед городом. Мы изголодались. От группы Кавказцев - бегу на базар. И вот, мы на нем, "ходоки за хлебом".... Убогие досчатые ларьки сплошь пустыне. Холод, мороз - сковал все. На одном из ларьков лежат две лошадиные ноги от колен с ободраной кожей и.. с подковами.

"Разве их едят здесь?" - недоуменно спрашиваю торговца.

"Раньше не ели, а теперь и этому рады" - отвечает.

"А говядина есть?" - переспрашиваю. Он смотрит на меня, смеется.

"Да ты што, не здешний, што-ли?" Я ответил, что "не здешний".

"Ну, так бери, пока есть... а то и этих лошадиных ног скоро не будет".

Я знал, что если вернусь с базара с пустыми руками - разочарование в группе будет большое. Все, ведь, голодны. Прошу торговца отрубить копыта с подковами, что бы не смущать ожидающих меня... И замерзшие две конские ноги от колен и до копыт, взяв под-мышки, быстро иду к своим.

В Костроме мы "разбогатели"! Фанерная фабрика хотя и не работала, но фанеру легко было достать бесплатно. Нашлись и мастера среди нас делать чемоданчики. Наш хозяйственный брат, Андрей Иванович, для группы сделал прочное ведро для варки пищи. Как оно пригодились здесь! Развели огонь, снег в ведре скоро оттаял. Положили туда ноги. И все смотрим в ведро, как в ожидании особенного лакомства. Вода закипает. Черная муть-пена от лошадиных ног густо идет вверх. Брат находит, что лучше "первую воду" слить как мутную и ждать навар "от второй воды". Мы даем ему в этом "карт-блях" т.е. полное право кашевара.

Кипит и вторая вода. Чувствуется запах "навара", мясного навара, так приятно волнуящего наши голодные желудки. Посолили. Подсыпали пшена. Заправили мукою. Суп готов. Мы вокруг ведра, стоя в снегу у своего вагона с большими деревянными ложками - Хоранов, Хоменко, Храмов, мы два брата, Саша Клеже и хорунжие Долженко и Дробышев - неизменные и неразлучные во всем.

"Ну, Господи, Благослови... первый раз в жизни ем конину", говорит Хоменко - снял шапку и перекрестился. Перекрестились и мы и черпаем суп.

На третьей ложке, Хоранов выругался и перестал есть.

"Ну-ну, Валентин Захарыч - Вы еще не видали голода" - острит Хоменко и черпает ложкою густоту с самого низа ведра. Мы все смеемся.

Суп был вкусен потому, что мы много дней были без горячей пищи. С, ели его полностью. А лошадиные ноги-кости, почерневшие, выбросили вон. Вот при каких обстоятельствах мы впервые ели конину.

- * -

Приказано выслать квартиреров. Курсы будут размещены в бывшем Епархиальном училище. От нашего вагона идем с Дробышевым. Комнаты распределены. Мы, кубанцы и донцы, почему-то держались отдельной группой от офицеров Колчаковских армий, и были, как-бы, на первом месте. Наша группа состояла почти сплошь из штаб-офицеров, при трех генералах - Косинов, Хоранов, Мальчевский - тогда как у них были почти сплошь молодые офицеры и редко капитаны. Нас было около 120-ти человек, а всех пятьсот.

Что бы не нести вещи обратно - решили оставить их при Управлении Епархиального дома, где жили священники и дежились церковные свечи. Старший священник разрешил, но узнав что мы бывшие офицеры Белых армий - вдруг с испуганным лицом быстро говорит:

"Нет-нет!... места у нас нет!... забирайте скорее свои вещи и уходите отсюда!"

"Батюшка... да только часа на два... это-же Святой Дом!" - горячо говорю ему. Но он быстро запирает дверь.

"Уходите, уходите!... Вы еще и нас подведете!" - сказал и удалился.

Там, где мы искали особенного к себе сочувствия - перед нами была захлопнутая дверь.

Оставив Дробышева с вещами на улице - спешу назад. Все выгрузились из вагонов. С вещами, с нашим комиссаром во главе, длинной кишкой по снегу без дороги, идем как попало. Снег почти до колен. Он сыпучий. Идти трудно. Наш вагон - Кавказцы, Лабинцы, Корниловцы - идем в голове. Мы перекидываемся шутками, вспоминая суп из конских ног.

Что-бы сохранить веселое настроение - затянул в полголоса:

"Чубарики-чубчики - ка - ли - на...."

"Малин-на, ма - ли - нна!" - подхватили идущие рядом Семейкин зычным своим подголоском и басы - Храмов и брат. Комиссар оглянулся, улыбнулся и произнес: - "Веселые Вы". Как бывший офицер, он, видимо, сочувствовал нам. Этот случай потом помог нам, и в жутком заточении, дать концерт "Казачьей песни" в Екатеринбургe. О нем потом.

Н О В О Е З А Т О Ч Е Н И Е.

Мы в бывшем Епархиальном училище. При адмирале Колчаке здесь помещалась Академия генерального штаба. Теперь это длинное, под углом на два квартала, двухэтажное кирпичное здание - приспособлено для заключенных, как пленных офицеров, так и местной знати.

Во всех классах епархиалок были построены нары, высотой по пояс чело века на все четыре стороны. Посредине двойные нары голова к голове. Вокруг этих средних нар - узкий проход. Теснота исключительная. Никаких матрацов и подушек. Весь этот длинный под углом корпус не отапливается. Много окон на улицу. Стекла их заморожены и непроницаемы для глаза. Все двери выходят в широкий длинный корридор на всю длину здания. Окна корридора смотрят на неогороженный двор-пустырь. Окна в коридоре немного, поэтому в нем и мрак.

У главного входа, на улице, парные часовые с винтовками, тепло одетые, молодые красноармейцы. У выходных дверей второно этажа так-же парные часовые. Им приказано с нами не разговаривать и никого не выпускать из корридора. В первой же камере от дверей были размещены Кавказцы, Лабинцы, Корниловцы и все офицеры 4-го Донского конного корпуса, вот почему мы быстро познакомились с часовыми, с их строгостью к нам всем.

Весь 2-й этаж был отведен "для курсов", а нижний - "для кандидатов", которых сюда доставили как арестантов, под замками в вагонах. Там же и арестованные гражданские лица и кухни для всех. От курсов потребовали выбрать полный состав на кухню поваров, помощников, артельщиков, рабочих. Выбрали. И потекли наши вновь очень и очень печальные денечки в полном заключении и изоляции ото всего, что делалось за стенами новой тюрьмы.

Надо подчеркнуть, что это были Уральския горы. Вернее, мы были уже за Уральским главным хребтом. Местность высокая. Холода здесь особенно сильные. Здание не отапливается. Мы согревались лишь своим телом, дыханием, испарениями 30-40-а своих тел, да одеждою, у кого она была в достатке. Умыться было негде. Мы быстро загрязнились. Появились вши. Не появились, а мы, фактически, "завшивели". Для пресечения этого - в нашей камере постановили: - проснувшись - каждый должен снимать свою рубашку и уничтожать вшей ногтями. Получилась веселая и забавная картина, что бы не сказать исключительно грустная, когда 30-40 казачьих штаб-офицеров, сидя на нарах без рубашек, "бьют вшей". Но и это непомогало. Вшь любит грязь, в ней она плодится, и на утро их бывает столько-же сколько было вчера....

Мы еще никогда не испытывали такого ограничения свободы, попав сюда. Тюремный распорядок дня. Часов в 8 утра - чай. Конечно, без сахара. В 12 часов скудный обед. Часов в шесть - ужин. Потом поверка по фамилиям в общем корридоре, по камерам, выстраивающимся в две шеренги и... спать. Освещения никакого. И только духовная близость друг к другу, общие разговоры, частые шутки - срашивали наши мрачные дни этого заключения.

Радовал суточный наряд на кухню. Он начинался с 5-ти часов утра, когда весь город спал. Надо было приготовить пищу на полторы тысячи человек. За этот труд, наряд хорошо питался, даже и мясом. Но он был суточным.

ЗАЛОЖНИЦЫ . . .

Прошел слух, что к нам везут около двух-сот женщин-заложниц из Польши. Вначале мы не поверили этому, но это оказалось так.

Когда разбитая под Варшавой красная армия начала отступать - были арестованы и вывезены в Россию жены знатных Польских фамилий. Теперь их препроводили сюда. И вот они, рядом с нами. Проходя мимо видим их размещенных прямо на полу, без кроватей. На них дорогие платья темных цветов, но уже сильно потрепаны и никаких теплых вещей. Арестованы они были, ведь летом. Все молодня и красивыя. Мы слышим их плачь, горькие вздохи и какия-то умоляющие просьбы к часовому, но... чем может помочь часовой, "казанный человек"?!...

Во всем длиннейшем здании не было уборной. Возможно, что их переделали в комнаты? Вот почему нас, для отправления естественных надобностей, партиями выводили во двор-пустырь под охраной часового. Было, и стыдно и неприлично нам от такого упрощения. Но еще было стыднее и неприличнее, когда этому способу должны были последовать и женщины! В таких случаях мы старались "не видеть этого". Часовые-же, вначале "гоготали" над женщинами, но потом и им было стыдно. Отворачивались и они, лишь торопя всех проделывать эту экзекуцию как можно скорее. Приклав во внимание глубокий снег во дворе, свирепый холод - трудно представить всю эту подлую картину и "следы" ее от полутора тысячи человек... Случились и роды. Нечеловеческий крик несчастных женщин, оглашавших здание замурованное морозами, вызывал крайнюю ненависть к власти.

КУБАНСКИЙ ХОР. НАШ КОНЦЕРТ. ДЕЙСТВИЕ НАЗАЧЬЕЙ ПЕСНИ.

Хор образовался в Москве, в Бутырской тюрьме. Организаторами его были два брата Замулы, капитан и поручик нашего 4-го Кубанского пластунского батальона. Они из Анапы, украинцы. Старший брат, капитан, окончил консерваторию. Случайно, и впервые, я услышал этот хор в Астраханских казармах, куда была переведена группа Кубанских офицеров из Бутырки с генералами Абашкиным и Косиновым. Войсковой старшина Горбачев, сотник и адъютант 2-го Черноморского льготного полка 1914 года, с которым я тогда подружился в майских лагерях под станицей Навказской, дивный бас, знаток и любитель хорового пения, кампанейский тогда среди всей молодежи - предложил мне войти в хор. Я согласился. Где-то в Москве дали 2-3 концерта в рабочих клубах, потом при закрытии курсов. Этим дело и ограничилось. Здесь-же, в жутких условиях нашего заточения - было уже не до хора.

После вечерней переключки в общем широком коридоре, что делалось ежедневно, идти спать в свою затхлую камеру было, и рано и тошно. Невольно образовывался кружок старых соратников и мы тихо запевали "что-нибудь" из песен Черноморских казаков, как более образных, и в своей грусти и в воинственности. На это тихое пение, как к огоньку, присоединялись ближайшие. Песни ширились. На противоположной стороне коридора устанавливалась тишина и оттуда подходили уж Колчаковцы - послушать ближе и узнать: - "кто-же это так стройно поет"?

Это было по-началу; а потом вошло уж в обыкновение: - мы только начнем пение, как к нам присоединялись - Горбачев, дивный баритон сотник Пиодковский, из штаба генерала Улагая, сильный второй тенор хорунжий Зебров, из заслуженных пластунских Бельфебелей и др. кто составлял в Москве "Хор Замулы". Этот хор не распался, но было так гнустно на душе, что было не до хора.

Приходили к нам и оба брата Замулы, слушали нас, не в пение не вступали. Парные часовые, стоявшие за замурованными морозом стеклянными дверьми, полуоткрывали их и затаенно слушали наше пение, явно, неведомое им.

Старший Замула, регент, заинтересовался нашим пением и предложил делать спевки. Все охотно согласилось. Меня избрали администратором хора.

Как-то, после спевки, появилась мысль - дать здесь, для своих арестантов, концерт. Уполномочили Замулу и меня обратиться к комиссару. Он согласился и обещал выяснить "возможности", которые не от него зависят. Скоро пришел ответ, что местная "чека" дала право на концерт, но предварительно - он должен познакомиться с репертуаром песен, с их содержанием. Все песни были переписаны и представлены. И вот, он вызывает меня и, немного смущенно спрашивает:

"Можно-ли в одной песне заменить слова... вот эти - "Під Московським караулом у тюрмі?"

Я его понял и отвечаю: - "можно заменить словами - "Під Турецьким караулом".

"Вот спасибо Вам!... а то, знаете, того... могут власти придраться" - радостно отвечает он.

В большой комнате, видимо бывшей церкви епархиалок, был устроен помост. Поставлены длинные лавки. Их заполнили все слушатели курсов, свободный от наряда караул со своим начальником орангутановского вида человеком, при котором уже была одна заложница-полка, ставшая его "наложницей".

Непритный он был тип. Сухой, высокий, лицо рябое, неприятное, злое, рот до ушей, длинные руки. Горива в образе человека.

Вошли и "почетные гости", человек пять членов "чека". Вошли твердой поступью, "достойно" своего властного положения сих мест....

Как они были одеты?

На каждом длинная "даха" до пят, охваченная широким желтым кожаным поясом. На поясе маузеры в длинных желтых кобурах, но не на боку, а на животе. Все при шпорах. На головах кожаные черные шлемы с острыми шишаками. На них, спереди - суконная красная звезда в ладонь шириной.

"Даха" - это чисто сибирская верхняя одежда. Она имеет покрой нашего тулупа - широкая и длинная. Верх покрыт шкурой волка или собаки, шерстью наружу, а с внутренней стороны - мех. Шерстью наружу потому, что, и в дождь и в снег - влага /вода/ скатывается вниз по жесткой щетине волчьей и собачьей шкуре и не проникает во внутрь. Лучшая и дорогая доха считается из волчьей шкуры, которую трудно достать. Крестьяне же носят /шьют/ ее больше из собачьей шкуры, как более доступной.

И вот, надо только представить вид этих пяти человек, крупного роста, в этих тулупах дикаго вида, с огромными револьверами в кобурах на животе и в демонических головных уборах черной кожи с красными большими звездами на лбу....

Если бы подобные фигуры появились на улицах наших станиц, то люди разбежались бы в стороны, с криками: - "Черти!... черти идут!" А собаки завyli бы от страха... Таков был вид этих чекистов, наших "почетных гостей", в руках которых неходила наша судьба.

Какие были лица, глаза, лоб, рот, подбородок и пр. у этих людей - ничего не было видно. Все было непроницаемо закрыто "шлемами" надвинутыми до самых глаз, с опущенными его бортами по шее и щекам. Виден был у каждого только нос и орбиты глаз.

Вошли, сели в первом ряду, вытянули ноги вперед и - замерли, положив руки на свои колени. Позади них поместился весь караул.

- * -

Первое отделение нашего концерта дали офицеры Колчаковской армии, поставив какую-то веселую игривую шутку, закончившуюся дружными аплодисментами всех. Чекисты не аплодировали. Следующее отделение - наш хор.

Около 40 человек выстроились по голосам в гимнастерках, в сапогах. И хотя все было на нас не первой свежести - но затянутые поясами - мы держали себя чисто по-воински, даже, по офицерски, в привычной стойке "смирно".

"Казацька молитва" - густым баритоном обьявляет наш конференсье, стройный сотник Пиодковский, служивший в штабе корпуса генерала Улагая.

"Ой Ты Боже Милосердний,
Боже шірни и прещадри
Прославляем Твою милость,
Боже!.. взглянь на нашу шірость!.. - тихо, молитвенно, полилось со сцены, призывая к молитве тех, кто густою темною мрачною толпою, сидели позади чекистов и караула.

"Дай нам, Боже!... Дай із неба,
Дай чого нам більше треба"... - просим мы Всевышняго в этой холодной и голодной красной тюрьме, и потом, словно потеряв свою веру в просьбу - вдруг кричащим аккордом к небу - хор хватил во всю мощь своих голосов:

"Дай нам миру і покою,
Під могутчею рукою".

Как администратор хора, я следил за чекистами - какое впечатление производит наше пение? И в эти минуты мне казалось, что они думали о нас, о нас офицерах Белой армии, людей интеллигентных, попавших в такие жуткие условия, которые вместо их понятия, и установившейся кличке о нас как "белые бандиты" - они увидели людей, духовно стоявших выше них. Потому что, так петь, так выражать в пении свою душу, так сохранить свою душу - могут люди благородные и сильные духом.

"Гуде вітер вальми в полі,
Рэвэ, лнст ломае,
Плаче козак молодэнький,
Долю проклинае"... - нежно затянули мы следующую печальную свою казацьку песню. Незнаю, что думали красные слушатели, но наши сотоварищи по заключению, вся толпа замерла, устремив сотни глаз на сцену, отсюда в минорном тоне пения, неслись эти жалобные слова.

Спели и еще несколько песен, исключительно Черноморскаго казачества. Спели и "Закувала та сыза зозуля"... С воинственным призывом спели - "Рэвуть стогнуть горы": -

"Дэ-ж вы славні запорожці,
Сынн вольной волі,
Чом ныйдэте вызволяты -
Нас з тяжкої неволі?!"...

Все песни были, явно, контрреволюционные, с освободительным призывом "из неволи, из тюрьмы", в которой мы фактически были. И как финальный призыв - Пиодковский обьявил последнюю песню:

"А вже літ більш двісті, як козак в неволі"....

Гэй-гэй!... выйдн доле із води,
Вызволь мене козаченька із біди!... взалкал хор ревом сорока голосов, с просьбой-требованием к судьбе, выручить нас "из беды".

Чекисты сидят молча, ничем не реагируя. Наше алканье в песнях были так искренни, так вызывающи, что я, как администратор хора, подумал: - а не придирутсь ли они к этому? А хор продолжает с упреком:

"С нарізниць козацьких - сэрпи поробыли . . .
А гострі шаблюкы - на косы побыли . . . - и вновь, ре-
вом голосов, взалкал-
Гэй-гэй! . . . вы козакы! . . . молоді!
А дэ-ж ваші коньчэнькы вороні?!"

Мое сердце начинает сжиматься от страха. . . Думаю - а вдруг вскочит на ноги кто из них и крикнет: - "Стой! . . . кто это сочинил? . . . прекратить пение!"

"Коні наші в лузях,
А козак за плугом,
Гэй, ты козаче! Хопай ніж! /хопай, значит, хватай/
Дэ побачишь воріжэнька - там і ріж!" - оборвал хор резко свой последний куплет.

Зала молчит. Регент, капитан Замула, несколько секунд смотрит на свой хор, будто не зная - что же ему делать? И потом, как всегда, неловко повернулся кругом и неловко делает поклон всем слушателям, давая этим знать, что концерт окончен. И только после этого в рядах своих послушались довольно редкие и несмелые аплодисменты.

Песня призвала резать врагов казаков, в данное время красных, конечно, но этого открыто приветствовать нельзя было.

Чекисты и караул вновь молчат и сидят как мумии, не шелохнувшись своими корпусами тел, словно желая показать хору: - "Ну, пойте, пойте. . . послушаем еще Вас. . . а там посмотрим - что с вами надо сделать" . . .

Что бы стусевать неприятность - умный и хорошо, тонко, воспитанный сотник Пиодковский, оглашает следующую песню - "Пир у князя Гуцала" . . . из оперы "Демон" Лермонтова.

Из этого вновь выпирала контр-революция! Бал?! . . . да еще у князя? . . . какова князя? Теперь ни балов, ни князей нет. . . а пленные казачьи офицеры хотят вновь спеть что-то опасное? . . . Послушаем" - неслись в моей голове подозрительные думы, могущие возникнуть у чекистов. И хор вновь, под гробовую тишину, тихо, загадочно произнес-пропел дивные слова оперы:

"Ноченка. . . Темная. . . Скоро пройдет она.
Завтра-же. . . С зоренькой. . . В путь нам опя-ать. . .

И потом воинственно зачекотал:

"Сядем на борзые, кони прекрасные!
Будем оружием на солнце блистать!
С бубнами! . . . С плясками! . . . С песнями! . . . С громкими!
Завтра нас девушки будут встречать. . . .

Русские слова, естественно, были более понятны красным слушателям. Даже прошла "усыпленность" чекистов и они задвигались на своих стульях. Стало легче на душе и нам.

Но. . . довольно серьезных песен! Надо потешить душу всех, и стражу и заключенных. Эта веселая песенка чисто украинского жанра, когда Днепровские казаки, возможно, состоя в Польском королевстве, еще чумаковали в Крым за солью. В ней ярко выразилась доля чумачества бедного казака и он не унывая, в своем природном юморе, всю вину в неудачах, сложил на своего упряжного коня. На Кубани я ее нигде не слышал. И вот хор затянул печаль-

"Було колись - козаченько возив сіль та рибу...
А теперь-же, бідалага - тільки сыру глыну..."

Поясня насмешку казака над своєю горькою долею, весь хор игриво, монотонно, зажурчал речитативом:

"Сіль везу, сіль везу, горою, горою,
Конякою, конякою, рябою, рябою..."

И потом, словно в последнем отчаянии своей неудачи - хор вскричал словами казака-чумана:

"Гэй ну - сыва-грыва, ты коростява, паршива,
Краще-б було моє ціло, як би тебе вовки з'їли!..."

Гэй, ну!... Гэй, ну!... Гэй, ну-ну-ну-ну-ну!

"Тпру-у-у-у"... Перешел хор в шутку, небрежно, и на все немusикальнне возгласы, растворился в последнем слове "тпру-у".

Фурор был исключительный. Даже весело аслабились до того молчаливые чекисты. А наш комендант, человек-орангутанг, он так аслабился во весь свой широкий рот, как может смеяться только животное... Мы покорили полностью власть и... с первого-же выстрела. Занавес "от руки" - и мы приготовились к лезгинке.

- * -

Я никогда не танцевал лезгинку в гимнастерке. Этот классический Кавказский танец можно выявить доподлинно только в черкеске. Генерал Хоранов не хотел выступать один, считая это не солидным для него, как генерала. У него большой багаж. Он одинок. Весь багаж - это все его богатство как человека, не имеющего семьи. У него три черкески с бешметами. Ему позволили сохранить и иметь при себе, даже, седло и кинжал. Что бы выступить вместе, он подарил мне свою старую серую дачковую черкеску, довольно потертую и черный легкий кашемировый бешмет. Мы с ним одного роста, но он гораздо шире меня в плечах и в талии. То, что не одел бы на Кубани - здесь это возможно...

Наша сцена открылась "биваком" - лежа, сидя, как кто хотел. Неизменная песня "Горе нам, Фези к нам, с войском стремится". Потом "гик", все вскочили на ноги и ударили в ладони, в такт. И автор этих строк, выскочил вперед как обыкновенный казаченок. Пройдя по кругу - я должен был пригласить Хоранова. Он входит в раж. Он по-настоящему, по-осетински, умело и звучно хлопает в ладони своих сильных рук, давая этим очень умелый темп. Пройдя раз-другой по сцене - дела "па на ногтях". Колчаковские офицеры поднимаются на ноги, желая рассмотреть воочию этот танец, мало кому ведомый из них. Пройдя еще пол-круга - приглашаю манерою горца на танец Хоранова. И наш Кавказский Уджуко /т.е. офицер 1-го Кавказского полка мирного времени/ - сморщив глаза, легко, привычно, чисто по-осетински, изящно, словно балерина - пошел в свой тур танца.

Хоранов всегда танцевал лезгинку так красиво, стильно, изящно, что его в ней всегда, еще из Мерва, приятно было смотреть. Она у него природная.

Ему тогда было 45 лет. Он широк в плечах, но так легок в ногах. У него легкая "па на пальцах"/на ногтях, как говорят казаки/ и со многими комбинациями.

Фурор лезгинки был неопиcуем. Два раза вызывали на "бис". Танцевали на примитивном помосте. Занавес задергивался рукою. Наш комиссар что то докладывал чекистам. Те кивали головами, видимо, в знак одобрения.

И только что весь хор сошел со сцены вправо, как к нам подошли все пять чекистов в своих страшных длинных костюмах-даха, отчего они кажутся высокими ростом со своими остроконечными шлемами на головах -

- как один из них, нужно полагать глава, быстро произносит:

"Вы думали что казаки, как степные наро-^{-дн-}полукочевники, а Вы, оказывается, совершенно культурные люди... и мы впервые слышим такое интересное пение".

Мы слушаем молча. Слова эти были произнесены правильным литературным языком и человеком, безусловно, интеллигентным.

Я хочу заглянуть в их душу через их глаза, которые под низким покровом шлема нельзя рассмотреть, что они думают. Под дахсю и шлемом они выглядят страшными, таинственными и недоступными. Лица без улыбок. Сжатые губы. Острый взгляд. Никаких лишних движений. Лица бритые и, как будто, интеллигентные. Возраст 30-40 лет. Это все, что я мог рассмотреть, определить в течении нескольких секунд. А старший из них продолжает, уж обращаясь к Хоранову и ко мне:

"Как это Вы становитесь на пальцы?.. Не бойтесь, что они поламаются?"

Разговорчивый Хоранов что то ответил им "о лезгинке с детства и пальцы уже привыкли". Присутствующий наш комиссар все это слушает, но в разговор не вступает. Короткий поклон нам и они ушли.

- * -

Концерт дал нам всем одно маленькое духовное удовлетворение, освежил наши мозги и сердца и дал пищу для приятных разговоров на несколько дней.

Но, как оказалось, мы завоевали симпатию властей! После этого нам разрешено было свободно ходить в город, имея увольнительные записки от коменданта здания, которым являлся тот "широкоротый", он же и глава постоянной охраны. Стали выдавать сахар и чаю. Потом хор давал концерты в некоторых заводах в окрестностях Екатеринбурга. Наш руководитель-регент, капитан 4-го Кубанского пластунского батальона Замула, не только что приобрел здесь популярность как знаток хорового пения, но потом сделал себе на этом карьеру. Его вызовут в Москву. Так, и в жутких невзгодах, мы служили своему Родному Кубанскому Войску, песнями прославляя его славное имя.

А - похвала врага, есть лучшая похвала - как говорит мудрая пословица.

/Продолжение следует/

Полковник Елисеев.

Написано в июле месяце 1941 года в Индокитае,
сокращенно издано в Нью-Йорке, в июле 1964г.

Примечание: "Даха" - род шубы, крытой оленьим, собачьим или другими мехами шерстью наружу. Употребляется в Сибири и часто надевается сверх обыкновенной шубы. /Инциклопедический Словарь Ф. Павленкова/.

Ф. Е.